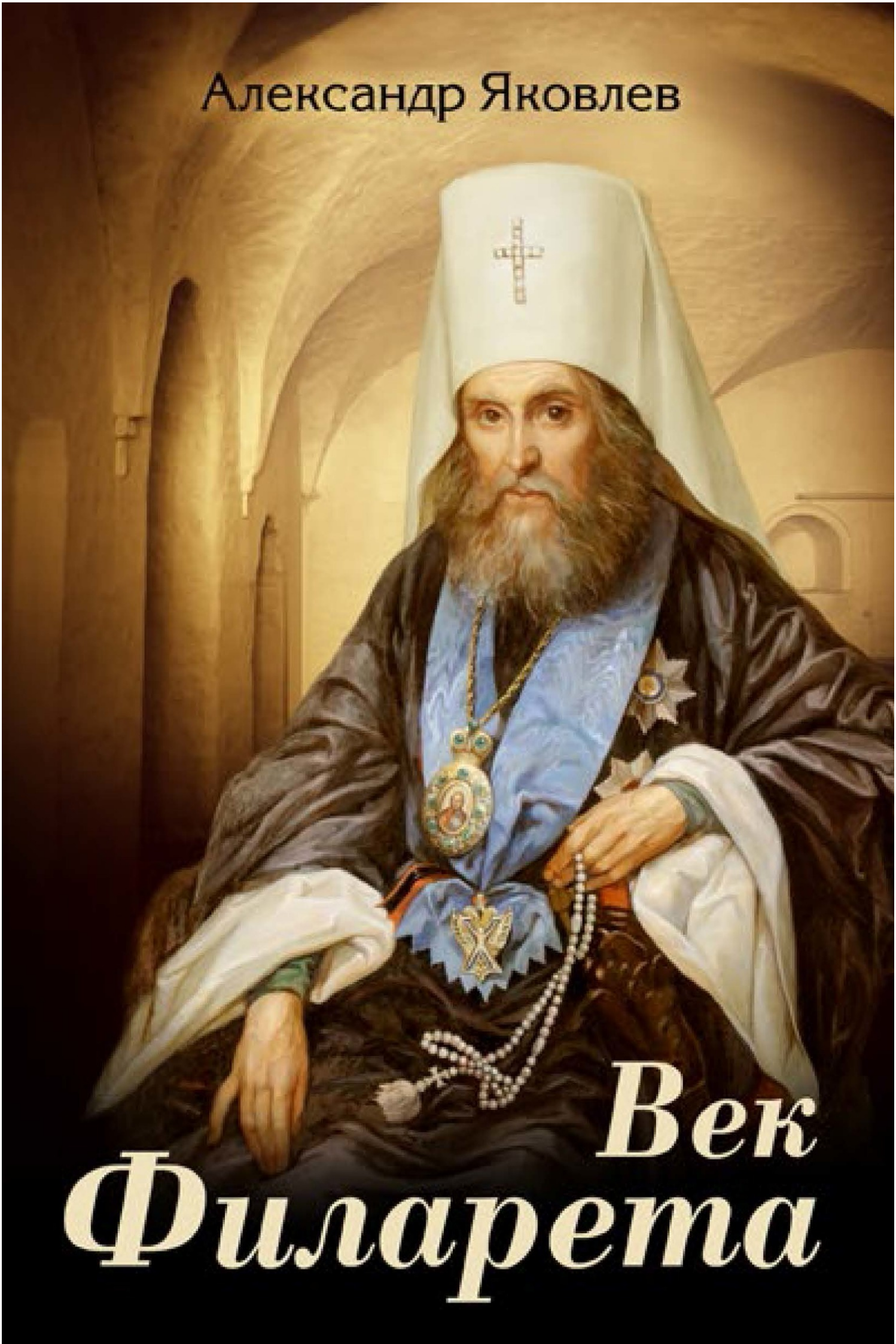
Александр Яковлев



Век Филарета

Александр Яковлев

Век Филарета

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2017

УДК 271.2-335
ББК 86.372

Яковлев А. И.

Век Филарета / А. И. Яковлев — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2017

ISBN 978-5-7789-0299-2

Роман Александра Яковлева повествует о жизни и служении святителя Филарета (Дроздова, 1782–1867), митрополита Московского и Коломенского, выдающегося богослова, церковного и государственного деятеля России XIX□в., в 1994□г. решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви причисленного к лику святых. В книге показан внутренний драматизм жизни митр. Филарета, «патриарха без патриаршества», как называли его современники. На долгий век Святителя пришлось несколько исторических эпох, и в каждой из них его место было чрезвычайно значимым. На широком фоне важных событий российской истории даны яркие портреты современников свт. Филарета — императоров Александра I, Николая I, Александра II, князя А.Н.Голицына и иных сановников, а также видных церковных деятелей архим. Фотия (Спасского), архим. Антония (Медведева) прот. Александра Горского и других. Книга адресована широкому читателю всем неравнодушным к истории России и Русской Церкви.

УДК 271.2-335
ББК 86.372

© Яковлев А. И., 2017
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2017

ISBN 978-5-7789-0299-2

Содержание

Часть первая 7
Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 32
Глава 6 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Век Филарета

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви.
ИС Р15-503-0124

Часть первая
У Троицы

Глава 1
Хлопоты в Коломне

Жизнь человеческая – что ручей, вдруг пробивающийся из земных глубин на свет Божий и бегущий неудержимо вперёд, чтобы слиться с иными и стать частью большой реки, а там и моря-океана. Иной ручей к концу своему оказывается мал – иной велик, иной чист – иной грязен, иной едва заметен – иной шумлив и бурлив неудержимо, иной короток, едва мелькнёт в лесной чащобе и пропал, иной течёт себе и течёт, будто нет конца ему. А в истоках своих все они одинаковы, поди различи, кому что предстоит…

Коломна, небольшой, но славный город, была соседкою Москвы, находясь в ста вёрстах от первопрестольной столицы и с давних времён прикрывая её с юга от вражеских нашествий. В XIII веке войско Батыя после опустошения Рязанской земли двинулось на Коломну, в жестокой сече одержало победу над великокняжескими дружинами Всеволода Юрьевича и Романа Ингваревича и взяло Москву. В конце XIV века Мамай, обуреваемый яростью за непослушание русских князей, решил повторить Батыево нашествие. Московский князь Дмитрий назначил всем полкам сбор в Коломне, а сам накануне выступления получил благословение в Свято-Троицком монастыре у прославленного пустынника Сергия Радонежского. Выступив из Коломны, русское войско вскоре достигло Дона, где и состоялась великая Куликовская битва. Правда, свирепый хан Тохтамыш спустя несколько лет вновь пошёл на Русь, и вновь прежде Москвы была сожжена Коломна.

Для обороны от казанцев и крымцев русские города старалась укреплять. В 1526 году в Коломне был построен «кремль – город каменный», хотя это не уберегло её в начале XVII века от захвата и разграбления мятежниками Болотникова, от разорения в ходе кровопролитных сражений полков царя Василия Шуйского и Самозванца. В одной из башен коломенского кремля укрывалась Марина Мнишек с малолетним сыном. Спустя несколько десятилетий по повелению царя Алексея Михайловича в коломенском уезде было положено начало строительству русского морского флота. Первому кораблю дано было название «Орел».

С тех пор город уже не боялся вражеских нашествий, но народ забурлил в правление царя Петра Алексеевича. Яростное сопротивление чрезмерно жестоким преобразованиям оказали стрельцы, и Коломна оказалась важным пунктом в этом восстании «за старину». Народное предание сохранило память о пребывании Петра в Коломне накануне его южных походов.

Между тем город понемногу слабел. Сошло на нет его значение в качестве военной крепости. С обмелением Москвы-реки сократились торговые перевозки, и богатое купечество стало перебираться в Москву. Самыми примечательными событиями становились пожары и разбойничьи грабежи.

Однако местоположение Коломны оставалось удобно и живописно. Жители занимались извозом, торговали хлебом, салом, гуртами скота. Город украшали два десятка церквей и три монастыря – Староголутвинский в четырёх вёрстах от Коломны, Бобренев, бывший всего в версте, и Новоголутвинский Троицкий монастырь внутри городской черты. Такова была Коломна в конце XVIII века.

Рождественские праздники 1799 года в доме коломенского священника Михаила Фёдоровича Дроздова встречали в беспокойстве. Хозяин дома отправлял положенные службы в своей церкви Троицы в Ямщицкой слободе, и самый приподнятый дух их облегчал сердце. По выходе из храма вдруг приметно уколола, будто заноза, мысль о дальнейшей судьбе старшего сына Василия. Предстоящая свадьба дочери Ольги заботила меньше. Всё было непросто с первенцем.

И родился он раньше положенного срока, будто спешил на белый свет, и по характеру оказался странно тих и сосредоточен, но с натурою страстною и пылкою, а ко всему – замкнут, скрытен. Да и упрям. В нынешнем году вышло решение Святейшего Синода об упразднении их коломенской епархии, отходящей к Москве. Упразднялась и коломенская семинария, не чуждая отцу Михаилу, ибо в ней он обучался восемь лет наукам и после два года прослужил учителем. Ныне в семинарии обучался сын. Думалось, закончит, Бог даст, с отличием, а там женится, рукоположит его добродушный епископ Мефодий в сан иерея и даст в Коломне приход. Чего лучше? Чего большего можно было желать?.. Теперь же Синод предлагал коломенским семинаристам продолжать образование либо в Туле, либо в Троицкой лаврской семинарии, либо в Московской славяно-греко-латинской академии.

Василий, как услышал, загорелся: Москва! Только Москва ему была нужна! Отец прямо сказал, что у Троицы образование посолиднее, не хуже киевской академии, а иные говорят – и лучше. Наконец, высокопреосвященный митрополит Платон любовно опекает семинарию и благодетельствует отличным ученикам, а уж Василий среди последних не окажется.

Сын почтительно слушал, а потом тихо, но обдуманно возразил, что жить на свой кошт[1] у Троицы ему денег недостанет, а в Москве есть дедушка Александр Афанасьевич, родной брат деда по матери, и занимает дедушка Александр не последнее место – сакелларий, а попросту говоря, ключаря главного храма России – Большого Успенского собора. Он и раньше звал в первопрестольную, и теперь не откажется принять и помочь. Конечно, решение отца закон, но должен же батюшка понять, насколько удобнее и спокойнее жить и учиться, зная о надёжной подмоге рядом… Воистину, baibara philosophum non facit – не борода созидает философа. Отмахнуться от такого практического соображения было невозможно.

Закончив дела в храме, отец Михаил отправился на базар за провизией и рождественскими подарками для семьи. Помочь вызвался дьячок Ефрем, говорливый и услужливый. Он заложил санки, прихватил два мешка и три корзины, и отправились.

– Дома у вас, батюшка, дым коромыслом! – с удовольствием рассказывал Ефрем. – Я за мешками-то когда бегал, гляжу – убираются, скребут, чистят. Матушка сама половики на двор вынесла…

– Что ж там, никого больше не было? – с неудовольствием отозвался отец Михаил. – А старухи где?

– Старухи в доме полы моют! – с готовностью объяснил Ефрем. – Дочки на своей половине, видать, чегой-то делали, а сынок младшенький с собачкой играл. Кричит ей: «Жучка!» – она мигом к нему… Старшего не видал, а от тестя вашего батюшки Никиты Афанасьевича приходили, но по какому случаю, не ведаю…

Лошадка шла неспешно. Налево и направо тянулись родные улочки Коломны, сначала его прихода, потом соседнего. Сугробы закрывали заборы, а иные домики едва не по окна были занесены снегом. Дым из труб от сильного мороза ровно, будто по линейке, поднимался в ясное голубое небо.

---

[1] Кошт – иждивение, содержание; вообще расход, издержка.

В такой же вот декабрьский предпраздничный день семнадцать лет назад молоденький дьякон кафедрального собора Михаил, только что рукоположенный в священный сан по хлопотам тестя, и сам протоиерей Успенского собора отец Никита, на дочери которого он женился в январе, отправились по заведённому порядку на базар за провизиею на две праздничные недели. Купили что надо, а по возвращении огорошили их новостью: беда с Дуней. Семнадцатилетняя Дуня была уже сильно в тягости, и прибавления семейства ожидали в новом году. Отец Никита приказал жене и дочери прибраться в доме. Дуня не осмелилась ослушаться батюшки, и вот когда пыль в чулане вытирала, вдруг её схватило.

Молодой дьякон, глубоко и нежно любивший свою Дуняшу, был как громом поражён и совсем потерялся. Отец Никита хоть и не признал вслух свою оплошность, тоже переживал. Из многих детей у них с матушкою Домникою Прокопиевною в живых остались только дочки Марина да Дуня. Отцовское сердце терзалось запоздалым чувством вины.

Мужчинам запретили выходить из горницы, и они до ухода на вечернюю службу только из притворенной двери слышали тихие стоны роженицы да обрывистые разговоры повитухи с матерью.

Вот тогда-то и решил дьякон Михаил Дроздов как можно скорее зажить своим домом. Не то чтобы недобрые чувства возникли у него к тестю, нет, любил и почитал, как положено, но понял он смысл заведённого порядка вещей, когда семья должна жить сама собою.

В те опасные декабрьские дни тёща стала ему дорога, будто вторая мать. Она да старуха Фроловна спасли Дуню и их первенца. Роды случились в ночь с 25 на 26 декабря 1782 года, на второй день Рождества, и были трудными. Радость от рождения сына омрачилась болезнью Дуни. Молодой отец терзал себя, а помочь ничем не мог. Лихорадка и жар жестоко терзали бедную и сильно ослабили её. Но Бог милостив, пережили благополучно.

Как знать, не это ли первое осложнение стало примечательным знаком на жизненном пути святителя? Ничто на земле не возникает просто, и все люди приносят жертвы, подчас неявные для них самих, за свои обретения. И чем более великая судьба определена человеку, тем более сложностей должно ему преодолеть на своём пути.

Впрочем, об этом никто в доме настоятеля не думал. Беспокоились о простом: выжил бы младенец.

– Ой, не жилец… – вздохнула повитуха, отдыхая за самоваром после трудной ночи.

Дьякон Михаил похолодел. Побежал в собор, едва достучался до сторожа и, пока не началось чтение Часов, пока не появились первые богомольцы, молился в пустом холодном храме перед образом Святой Троицы, слабо освещённым негасимой лампадою.

Человек предполагает, а Бог располагает. 1 января 1783 года в ближней Богоявленской церкви младенец был окрещён с именем Василия в честь святого Василия Великого. При святом таинстве восприемниками были друг отца соборный ключарь Пётр Васильев и бабушка новорождённого Домника Прокопиевна.

Нет ничего случайного на свете. Имя, нарекаемое человеку, связано не только со днём его появления на белый свет, не только призывает покровительство того святого, чья память празднуется в день рождения. По Вышнему Промыслу в том виден предугаданный путь человека, от свободной воли которого, правда, зависит, следовать ли сим путём. Святой Василий Великий славен в истории Церкви не только своими богословскими трудами, но и обширной деятельностью по устроению Православной Церкви в IV веке.

Фроловна вскоре перешла жить в новый дом отца Михаила, куда в конце февраля переехала молодая семья уже с полуторамесячным Василием, и стала верной нянькою малышу. Она ходила за ним, ласкала и баловала первые годы, когда Господь даровал им деток одного за другим (хотя выжили только ещё сын и две дочки), и у Дуни на всех не хватало сил и рук.

Вот тогда приступила к нему тёща: пусть-де Васенька поживёт у них, и они по внуку скучают, и Дуне станет полегче, и малышу будет покойно. Что на это возразить?

От нежного ли сердца, от пережитых ли волнений отец Михаил так сильно полюбил сына, что жена с тёщей посмеивались, а он бы и не отходил от маленькой колыбели. Мальчик был слаб. Плохо спал по ночам, просыпался очень рано, до заутрени. Отец целовал его в твёрдый лобик, а когда возвращался, отслужив обедню, те же ясные карие глазки внимательно смотрели на него.

– Голубь ты мой бессонный, что ты не спишь? – гладил он маленькие ручки.

Сердце болело от одной мысли о расставании, но он видел, как устаёт Дуняша, и уступил. Сам отвёз сынка в дом тестя.

Правду сказать, трудными оказались первые годы их семейной жизни. Только-только рукоположили его в сан священника, только-только дали приход, и не из бедных – Троицкий храм в Ямщицкой слободе, где и стоял его купленный за сто тринадцать рублей домик, на крыше которого плотники По его указанию соорудили башенку с куполом, осенённым крестом. Из башенки совсем близкими казались дома городской окраины, окружённые садами и огородами, рядом – дома диакона, причетников, за большим и глубоким оврагом – поля. От красоты Божиего мира сердце замирало… Только бы и начинать жить по известному порядку, ан нет!

Прихожане Троицкого храма хотели поставить своего священника и были обижены назначением отца Михаила. Прежний владыка Мефодий был на их стороне, но митрополит Платон решительно менял старые порядки и отдавал предпочтение при постановке настоятеля образованным. Отец Михаил не только закончил семинарию из первых, но и послужил в ней же учителем латинского языка – вот и был назначен.

Богатые ямщики и купцы не смирились. Решили не мытьём, так катаньем избавиться от неугодного попа. Они перестали платить за требы. И после молебна, крещения или отпевания напрасно отец Михаил топтался в сенях, ожидая двугривенного или полтинника. Не давали. В церковной кружке монетки едва дно покрывали. Ладно хоть свечи покупали упорные противники молодого священника, продолжали женить и выдавать замуж своих детей да заказывать сорокоусты родне. Получилось, что ожидали достатка, а впали в полную бедность.

Поначалу молодой иерей пустился в траты: заказал икону Святой Троицы, уплатив пятнадцать рублей за работу да за доску восемьдесят копеек, приобрёл новые Типикон[2] и Псалтирь, а заодно и портреты особ царствующего дома от императрицы Екатерины Алексеевны до малолетних великих князей Александра и Константина, уплатив целых шесть рублей.

Похвастался жене, а она попросила денег на подушки и одеяла. Отец Михаил в кошель – там пусто. Беда! Правда, мир не без добрых людей: прихожане из кафедрального собора принесли кое-что бывшему дьякону, да ведь на одну милость людскую семьёй прожить нельзя. А сборы в храме один другого меньше.

Прожили так неделю, другую, месяц, и как-то вечером отец Михаил сказал жене:

– Ну, Дуняша, видно, посылает нам Господь испытание. Давай терпеть.

Промолчала молодая жена, хотя самым простым виделось – уйти от недобрых людей, попроситься вторым священником в какой-нибудь храм, всё лучше, чем считать копейки да кусочки. Был соборным диаконом, и то лучше жили. Но муж **решил**…

Мягок и незлобив был отец Михаил, а в делах прям и твёрд. Ни в чём не изменил он ни церковных служб, ни исполнения треб. С готовностью отправлялся в дома, служил неспешно, с благолепием, наставлял и утешал с ласкою. Дуня его, не опуская глаз, проходила в стареньком салопчике мимо богатых купчих. Каши с постным маслом да молоко в скоромные дни только и бывали у них на столе, если тесть с тёщей не побалуют гостинцем.

---

[2] Типикон (или Устав) – церковно-богослужебная книга, содержащая в себе систематическое указание порядка и образа совершения церковных служб. К этому присоединены правила о пище для всех христиан, и особенно для монахов. В конце Типикона помещены храмовые главы, Пасхалия и Лунник.

И отступили ямщицкие притеснители. Сами же заправилы сговора принесли отцу Михаилу повинную и без утайки открылись на исповеди. Разом повернулась жизнь к лучшему. Чаще на столе появлялось коровье масло да курятина, возможным стало поправить прогнившее крыльцо, справить Дуне обновы: два новых платья – шёлковое и атласное, бархатный капор, две новые юбки да кофты, а мальчишкам новые штаны. Наконец расплатился с долгами, одарил Фроловну и других старух, помогавших по дому, – Алексеевну и Васильевну.

Терпением да смирением добился своего. Суровы жизненные уроки, тяжко их переносить, а запоминаются крепко…

Почему же Василий не хочет принять его правоты?..

В те давние годы он часто забегал в дом тестя после службы, чтоб только глянуть на сынка.

– Голубь мой ясноглазый, голубь мой тихонькой, узнаешь меня?

Первое слово, которое Вася выучился говорить, было «голубь».

Ходили по рядам неспешно, зная, что нужно купить и у кого. Корзины и оба мешка постепенно наполнялись. Ефрем находил товар, выбирал, торговался, а после обращался с вопросом:

– Батюшка, который окорок взять: этот, побольше, или этот, попостнее?..

От мясных рядов пошли в хлебный, где взяли баранок, расписных пряников, маковой жамки и орехов.

– Вот ведь дороговизна, – рассуждал Ефрем. – В год рождения вашего старшенького четверть ржи стоила четыре рубля, а нынче аж шесть! Крупа гречневая по-старому в шесть – шесть с полтиной, а яйца куриные – была сотня за шестьдесят копеек, теперь семьдесят! Да… Фунт говядины вместо трёх – пять копеек, а иной и шесть запрашивает! Ну времена…

Отец Михаил слушал его вполуха, отвечал рассеянно, а сам продолжал думать о Василии. Беда в том, что сын долгое время прожил под влиянием деда, который при всей строгости своей баловал внука почём зря. В доме дедушки и бабушки желания Васеньки были законом – того Васенька хочет, того не любит… Жили, конечно, побогаче. Дом тестя большой, две горницы с мезонинами, при каждой горнице топлюшка с простой печью, а в горницах печи голландские с изразцами расписными, стены заклеены бумажными обоями. Зеркало в раме красного дерева… Отец Михаил признавался Дуне, что ему всё равно, на чём сидеть и из чего есть и пить. Однако со временем купил серебряных ложек, большой пузатый самовар и часы с боем. Не жалел денег он на книги, выписывая из Москвы труды по философии, богословию, истории, благо их на русском языке стало появляться всё больше.

Пока сын жил вне отцовского дома, отец Михаил его часто навещал и приметил, что маленький Вася предпочитал общество мальчиков младше себя, позволяющих командовать и приказывать. С ровесниками дело иное, там Вася оказывался и ростом меньше всех (в мать пошёл), и силёнкою не богат.

Там же, в доме тестя, полюбил Вася одиночество, возможность забиться куда-нибудь в уголок и о чём-то думать. Правда, благодаря деду пристрастился к чтению. Надо бы радоваться, но беспокоила страстность тихого сына даже в чтении Священного Писания. Подчас такие вопросы задавал, что не скоро и сообразишь, что ответить. Как это Бог сотворил **небеса** в первый день творения, а **небо** – во второй?.. И все-то ему надо понять, и все-то у него какие-то сомнения… а что станет в академии?

Пленило мальчишку слово – **академия,** а не понимает того, что за словом может быть пустота. Знакомые рассказывали, что лекции читаются там кое-как, а большую часть дня студенты бродят по Никольской да по Красной площади, буянят, пьянствуют, распутствуют. Каково кровиночку свою бросить в этот омут праздности и развращения? В семинарии же совсем другое дело – вокруг монахи, лавра за высокими стенами…

– Батюшка, материи брать будете?

– Чего? – не сразу понял отец Михаил.

– Материи, говорю, матушке Евдокии Никитичне и дочкам брать будете? – пояснил Ефрем.

– Буду.

С деньгами у отца Михаила было по-прежнему туго, но хотелось порадовать домашних… да и знал, что тесть наверняка приготовит подарки дочке и внукам и не преминет невзначай полюбопытствовать, чем одарил их любезный зятюшка… Дуне надо покрыть новый лисий салоп, да ещё и на летнюю штофную епанчу, Оленьке и Грушеньке – материи на платьица да бусы надо бы…

Дроздовых считали со странностями. Вдовый отец Михаила Фёдоровича Фёдор Игнатьевич долго служил приходским священником, но вдруг без видимого повода и ещё будучи в добром здравии передал приход старшему сыну, а сам удалился от семьи и стал вести жизнь почти монашескую, в посте и молитве. Жил скудно, в глубоком уединении, выходя лишь в церковь. Такое поведение выламывалось из привычного образа жизни коломенского духовенства. Отец Михаил и его старший брат Иван побуждений отца понять не могли и положили их не обсуждать. Оба знали, что в иных домах Коломны с усмешкою говорят о нищем иерее-богомольце, живущем с одной свечою и без часов, обходящемся хлебом с квасом да капусткой… Как тут забыть про обеспеченную и прочно устроенную родню тестя в Москве. Только начни разговор в его доме, наверняка отец Никита возьмёт сторону Васи. Так не лучше ли решить нынче же? Василия отвезти к Троице!

С этим решением отец Михаил вернулся домой, хотя объявил его вечером по возвращении из храма.

– Резоны твои, Василий, понятны, но я решил окончательно. С деньгами у нас скудновато, но помогать будем, ты твёрдо надейся. На еду и на квартиру должно хватить. А ты всё ж таки просись на казённый кошт. Не сразу, а через полгодика.

Тоненький светлоголовый подросток молча стоял перед отцом и теребил светлый пушок на подбородке. Возражать он не смел, но тонкие губы кривились с неудовольствием.

Бедная Евдокия Никитична замерла. Разговоры о месте продолжения учёбы Васи шли давно, но ей всё казалось, это нескоро. Неведомое место, мнилось, будто их соседний Бобренев монастырь вроде и не Коломна, но близко и знакомо. В глубине души таила она наивную надежду, что учебное дело Васи как-нибудь так само обернётся, что он останется дома. Оказалось же, что действительно надо ехать, и ехать далеко и ехать надолго… Тихие слёзы покатились из материнских глаз.

– Там, полагаю, экзамен может случиться, – продолжал отец. – Так что сразу после праздника бери латинскую грамматику, Винклерову философию и зубри…

А Евдокия Никитична разом видела и нынешнего стройного и румяного Васю, и маленького, тщедушного, бледного, кричавшего от голода, а у неё пропало молоко, покупали коровье, и судачили втихомолку кумушки: «Ну, от скотского-то молока как есть поповский сын дурачком вырастет!.. Пастухом станет!» А нынче те же соседушки поневоле хвалят её Васю да завидуют: он и послушный, и учёный, и вежливый, а их сынки дурни дурнями выросли! «Прости, Господи, за осуждение злобное! – осеклась Евдокия Никитична. – Скоро старость, а страсти не отпускают». А было попадье в ту пору тридцать пять годов.

В спальне наедине тоном помягче сказал отец Михаил жене перед долгими своими вечерними молитвами:

– Ты, мать, потихоньку одежонку его починяй. Сюртучок бы ему новый надо, да не получится справить нынче. Ты тот его, фризовый почисти. Хочется, чтобы не хуже других выглядел, а куда деться – приданое Олюше собирать надо… Особенно не спеши, милая, отправимся после Крещения.

Тёмная, звёздная и морозная ночь опускалась на тихую Коломну, на окраине которой в маленьком домике в четыре окна с чудесной башенкой на крыше готовились к близкому расставанию.

Глава 2
Ночные думы

Сон никак не шёл. Впал было в дрёму под тихое бормотание отца, стоявшего на коленях в спальне перед божницею, но вдруг будто тёплою водою смыло всю сонливость.

Он **уезжает**!

Милая, любимая Коломна, которую обегал сотни раз, в которой все и всё знакомо, от высоких речных берегов до широких дорог, уходящих за городскими заставами на юг и на север, от дедовского собора и всех церквей до городских лавок… И здесь останутся матушка и батюшка, любимые сестрички и брат, дедушка и бабушка, и странный второй дедушка, и крестный, и добрая Фроловна, и нелюбимые семинарские учителя, и сосед, ласковый ямщик Николай, уже старенький, давно передавший своё дело сыновьям, – отчего-то полюбился ему Вася Дроздов, и дед Николай при встрече совал ему то пряник, то жменю семечек. Большому уж и неловко было брать, отдавал младшим… Прощай, дед Николай!

Василий осторожно повернулся на узком сундуке и лёг на спину. Растопленная к ночи печь дышала жаром, и он распахнул старенький армяк, которым укрывался. В правом углу перед иконой Спасителя едва мерцала лампада. Кот спрыгнул с печи и тёмной тенью скользнул на топчан, в ноги к меньшим. За окном сторож ударил в колотушку. Да уже час ночи…

Чего не жаль, так это семинарии с её вечно грязными коридорами, не топленными в лютые морозы классами, бесконечной латынью и схоластическими рассуждениями, неизбежно вгоняющими в сон и рьяного любителя премудрости. Одно хорошо: в толпе грубых и ленивых семинаристов Василий обрёл нескольких товарищей, которые понимали его и были интересны ему.

Поначалу его обходили и косились, зная, чей он внук и сын. Всегда чисто, даже щеголевато одетый, тихий, вечно с опущенным взором, он держался наособицу. Все знали, что Дроздов наизусть помнит уроки из риторики, истории, латыни. Прохладный круг одиночества ограждал его, был привычен, но и тягостен. Вот почему вдруг вспыхнувшее товарищество сильно скрашивало неказистую жизнь в семинарии. Теперь же друг любезный Гриша Пономарёв поступал в тверскую семинарию, и его очень будет не хватать, но Ваня Пылаев и Андрей Саксин тоже отправляются к Троице.

Как жаль, что батюшка не позволил ехать в Москву, как жаль. Василий ни разу не был в Москве, но по рассказам деда и отца представлял огромный город с большим Кремлем посредине. Древняя столица манила своими легендами о прошлом величии и нынешней бурной жизнью при государе Павле Петровиче, при котором, слышно, всё быстро меняется. Вышел указ об отмене телесных наказаний для духовных. Вс` больше бывших поповичей-семинаристов становятся то докторами, то приказными чиновниками, иные выслуживают дворянство, покупают мужиков…

Василий нередко слышал такие мечтания в семинарии, раздумывал над ними, и они манили его, но душа на них не отзывалась. Он сознавал, что вполне мог бы пойти и в академию и в университет, светская карьера привлекала своим блеском, светский мундир много красивее немудрёной священнической рясы… А как смотрели дочки соседского настоятеля отца Симеона на офицеров, когда уланский полк проходил в петровский пост через город на новые квартиры. И Верочка, и Катенька, и Олечка глаз не могли оторвать от киверов, позументов, сабель, шпор… И бесполезно объяснять им, что не в блеске эполет подлинное счастье, подлинный смысл жизни. Ужасно обидно, потому что знаешь твёрдо: для тебя этот путь закрыт, а всё ж таки – слаб человек в семнадцать лет – невольно представляешь и себя на коне с саблею…

Как всё просто было в давние годы у дедушки Никиты. Долгими зимними вечерами Домника Прокопиевна сидела за прядением или шитьём при уютном огоньке сальной свечи, а вну-

чок рядом на маленькой скамеечке, и хорошо им было. Текли нескончаемые бабушкины рассказы о былом.

– …а каких страхов я натерпелась в год рождения матери твоей. Объявились разбойники. Вожаком у них был атаман по прозвищу Кнут. Видно, успели его добрые люди отделать. На больших дорогах грабил с дружками купцов и всех прохожих, иных и убивали. Уж такого страху нагнали, что мы боялись за заставу выйти… Ловил разбойников присланный из Москвы сыщик Ванька Каин, сам из таких же. Вот он, говорили, и открыл, что гнездо душегубов на купеческих судах, а самих их чуть не полсотни. Ну, прислали солдат на конях и с ружьями, и они, конечно, разбойников одолели. Когда вели их в Москву, весь город сбежался посмотреть. Я в тягости была, сидела дома, соседки потом всё-всё порассказали, что видали… А то драки меж своими коломенскими случались, купцы у нас гордые, с норовом, чуть что не по них – никому не спустят. Вот, помню, я ещё в девушках была, обиделись купцы на ямщиков городских за неуважение. Собрались да и разбили несколько дворов ямщицких, а иные и спалили. Всё так с рук и сошло. После кирпичники из Митяевой слободы вздумали на купцов жалобу подать. Куда там, купцы в суде так дело повернули, что кирпичники оказались во всём виноватыми, будто бы не их били и мучили, а они. Известное дело – с богатым не судись…

Строгий дедушка не одобрял бабушкиной бывальщины. Он звал Васю к себе, зажигал особенную свечу в серебряном подсвечнике и раскрывал большую тяжёлую книгу в потёртом кожаном переплёте.

Истории из Священного Писания были интересны для мальчика по-другому. Тут главным были не сменяющие друг друга цари и пророки, битвы и страдания простых людей, а Господь Вседержитель, по милости своей устроивший землю и всё на ней, открывший грешным людям законы жизни и пути спасения. Однако самой любимой была у Васи история ветхозаветного Иосифа, всякий раз трогавшая до слёз. Не раз случалось, что дед намеревался прочитать иное, что Вася упрашивал его прочитать про Иосифа. Посопев и покряхтев, дед соглашался. Усаживался удобнее, оглаживал седую окладистую бороду и громко и внятно, как и следовало читать Святую Книгу, начинал:

– Иосиф, семнадцати лет, пас скот вместе с братьями своими, будучи отроком… Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его; и сделал ему разноцветную одежду.

И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его, и не могли говорить с ним дружелюбно…

И сказали друг другу: вот идёт сновидец;

Пойдём теперь и убьём его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его…

Когда Иосиф пришёл к братьям своим, они сняли с Иосифа одежду его…

И когда проходили купцы Мадиамские, вытащили Иосифа изо рва, и продали Иосифа Измаильтянам за двадцать сребреников; а они отвели Иосифа в Египет…

Бабушка откладывала работу и тоже внимала древней истории, поглаживая голову самозабвенно слушающего внука. Как переживало детское сердце горе бедного отца и страдания самого Иосифа, но и как же было уверено в окончательном торжестве правды, ибо читал дед:

– …И был Господь с Иосифом; он был успешен в делах…

Глаза старика скоро уставали. Он откладывал книгу, но малыш продолжал смотреть на него вопрошающе. Сейчас-то Василий понимал, что скромен познаниями был протоиерей Никита, не такой великий книгочей, как батюшка, но прост и твёрд был в вере своей, сохранив до преклонных лет простодушное удивление перед величием Господа.

…Сколь лет живу, грешный, а не перестаю удивляться милосердию Господнему. Нам если кто причинит зло, иной изничтожить готов, а всемогущий Господь, жизнию и смертию нашею владеющий, нас, окаянных, терпит во всей скверне нашей…

Вася любил эти нечастые серьёзные рассуждения. Он как должное воспринимал сдержанность и внешнюю суровость деда, который был **иерей**, стоящий между обычными людьми и самим Богом.

Когда же на праздники приходили гости, дед доставал гусли, засучивал рукава рясы и играл то церковные распевы, то протяжные песни, то плясовые мелодии, да так, что маменька с бабушкой в пляс пускались, там и крестный дядя Пётр… Только маленький Вася стеснялся, пока его не вытаскивали на середину круга, и приходилось вертеться и бить каблуками об пол.

Летом нередко отправлялись в гости к коломенским батюшкам, к знакомым купцам, но самыми памятными были посещения нескольких дворянских домов прихода. Там были не простые слуги, а лакеи в ливреях. Икон в комнатах было мало, на стенах всё больше висели здоровенные тарелки и картины, которые Вася со вниманием разглядывал. Хозяева встречали их в непривычных нарядах: в коротких кафтанах, с напудренными косичками и в диковинных чулках и башмаках. В таких гостях Васю за обедом сажали за отдельный столик с детьми, что было унизительно.

Вообще же мир в детстве виделся разумным и прочно устроенным. Сомнения возникали то при виде нищих слепцов, то ковыляющей на трёх лапах собаки, которую гоняли по базарной площади купеческие приказчики, а она послушно отбегала и просяще оглядывала людей.

В один из дней бабьего лета накануне Васиного поступления в семинарию пошли с бабушкой на кладбище. Навестили могилки своих и отцовских родных, помолились об упокоении душ умерших, прощении им всяческих грехов и даровании жизни вечной, перекусили яблоками с хлебом, посидели на лавочке у ворот, и тут бабушка сказала:

– Ох, грехи наши… Почитай сколько здесь лежит святых…

– Святые в церкви! – возразил внук.

– Те, что в церкви, их все знают, а сколько тихих, малых, одному Богу известных своим терпением да любовью, трудом да верою. Тут близ церкви духовные лежат, дворяне, подальше купцы, а остальные все – мужики да бабы, а они – не мещане, а дворовые да деревенские – всё народ подневольный, крепостной. Легко ли терпеть чужую волю!.. Помещики разные бывают. Иные подлинно родные отцы мужикам, а иные что звери хищные…

И потекли рассказы о свирепстве и жестокости владельцев крепостных душ.

–..А прошедшей зимой проехали наши слободские в лес за дровами и нашли замерзшего мальчика чуть ли не твоих годов. Оказалось, был в дворовых графа здешнего и как-то случайно – мальчишки народ резвый – разбил любимый графский цветок. Граф приказал пороть мальчика, да не один раз, а всю неделю. Малый на второй день едва живой был, да и сбежал. Лес радом.

От побоев-то он ушёл, а в лесу от мороза куда уйдёшь?.. Собака какая-то его грела, да, видно, заснул он и не проснулся. После собаку эту на кладбище видели, где его отец твой хоронил.

– Бабушка, не эта ли собака по базару нынче бегала?

– Кто ж её знает…

– А граф?

– Граф он граф и есть. Он волен наказывать своих людей, как считает нужным. Говорят, правда, в дворянском собрании с ним иные здороваться перестали, да что с того…

Так обнаруживалось, что не все люди свободны, добры и счастливы, что в земном порядке имеются изъяны… Насколько же разумнее и добрее церковный образ жизни. Прав, прав батюшка!

Храм Божий для Васи Дроздова был привычен и знаком, как родной дом. Прежде всего, то было место особого присутствия Божия, особой благодати Господней. В храме детей крестят, взрослых венчают, покойников отпевают. Вся жизнь человеческая в главных её моментах оказывается связанной с храмом.

То был также дом молитвы. Конечно, молиться можно и дома, и Господь не пропустит искреннее обращение к нему, но всё же молитва в храме особенная. Скудость молитвы одного восполняется здесь сосредоточенностью другого, усиливается молитвами священнослужителей, подкрепляется присутствием Святых Тайн, пением и чтением священных текстов. Дед частенько повторял, что в храме одна молитва Господи, помилуй имеет гораздо большую силу, чем многие молитвы и поклоны на дому.

В детстве Вася отправлялся в храм с бабушкой. Идти было недалеко. И зимой по хрустящему снежку, и летом по мягкой травке Вася домчался бы в одно мгновение, но это не позволялось. Бабушка укоризненно качала головой, а дед мог потрепать за ухо:

– Не на ярманку летишь! Уважай храм Божий!

Как обижала тогда Васю непонятливость деда – ведь просто хотел поскорее переступить порог храма, ощутить привычный запах ладана, поставить свечки перед иконами, которые считал «своими»: Николая Чудотворца, Божией Матери Владимирской, Всех Святых и перед образом Спасителя… А после приходили другие люди и зажигали свои свечи от его огонька. Необъяснимо тепло и радостно становилось тогда.

Читались положенные молитвы, диакон обходил с курящимся кадилом весь храм, а после выходил перед царскими вратами и басом возглашал:

– Господу помолимся!

И певчие отвечали:

– Господи, помилуй!

И все в храме крестились и совершали поклоны, ибо нет людей вовсе безгрешных, и всякий молит о милосердии Господнем. Возглашал диакон прошения к Господу о здравии священнослужителей и всех молящихся, о прощении грехов наших, о благоденствии града и отечества нашего, дабы миновали его мор и голод, войны и внутренние распри; о спасении душ всех христиан возносятся моления, душ и живых и умерших… Можно ли остаться равнодушным к такой молитве?

Порядок службы Вася незаметно выучил наизусть, но ему никогда не надоедало смотреть, как появляется на малом входе дед из алтаря, торжественно-строгий и чуть незнакомый, вскидывает руку перед вознесённым Евангелием; как величаво, нараспев диакон читает святое Евангелие, как радостно и всякий раз со значением дед произносит молитву перед таинством Причащения.

Вася твёрдо и безусловно **знал**, что Господь незримо присутствует в храме, что искренняя молитва непременно дойдёт до Него, и Он пошлёт **благодать**, то неземное ощущение светлой теплоты и тихой радости, которые мальчик чутко выделял среди повседневных житейских чувств. В детстве он подходил к причастию каждое воскресенье. Замирало сердце от мысли, что Всемогущий Господь послал Своего Сына на крестные муки ради нас, таких обыкновенных, что Он дарует нам часть Крови Своей и Тела Своего для спасения душ наших… Движутся люди ко святой чаше, все ласковы, добры и предупредительны: сначала дворянские семейства, потом они с бабушкой, потом остальные, будто действительно – братья и сёстры. Если б только можно было всегда так, всегда такими быть, то никто бы не погубил бедного мальчика. Эту бабушкину историю он почему-то запомнил навсегда.

Иногда крестный дядя Пётр водил его в кафедральный Успенский собор. Вася немного робел громадности храма, незнакомых людей и очень боялся совершить оплошность, ведь он был сыном и внуком уважаемых священников. Дядя Пётр брал его на колокольню. Запыхав-

шись от крутизны лестниц, Вася всякий раз бывал поражён открывавшимся сверху видом родного города, который ему никогда не надоедало разглядывать. Он видел и дедовский дом, и церковь, где крестили его, а в другой стороне – отцовский храм Троицы, луковку с крестом на крыше родного дома; торговые ряды казались совсем близко, а базарная площадь виделась даже маленькой. Прекрасно были видны оба храма недалёкого Бобренева монастыря.

Но ещё большее наслаждение Вася получал от колокольного звона. С первым ударом большого, многопудового колокола оглушала глухота, а после радостное тепло появлялось в груди. Звонарь Алексей перебирал перепутанные, казалось бы, верёвки, нажимал на дощечки, а то всем телом раскачивал язык большого колокола, и дивный благовест плыл над Коломной, сливаясь с перезвонами других церквей. Очень тогда хотелось Васе стать звонарём.

Отец однажды взял его с собой в Бобренев монастырь на празднование чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и там сводил его в иконописную мастерскую. В полном восторге от увиденного он решил, что самое замечательное – это иконопись, благолепное выписывание образов святых. Отец похвалил его намерение, и строгий дед тоже…

– Ох, грехи наши тяжкие… – услышал Василий старушечий голос и шаркающие шаги из кухни по коридору, а там и увидел в неприкрытую дверь тёмную фигуру Алексеевны, простоволосой, в бесформенной юбке и рубашке.

«Что это она вскочила?» – подумал Василий и тут только сообразил, что на соборной колокольне пробили уже четыре раза.

– Алексеевна, – шёпотом окликнул он, – что, уже утро?

– Известно, утро, – подошла она к двери, крестя раскрытый в зевоте рот. – Чего не спишь-то? Мне пироги ставить надо, а тебе, соколик, самое время сны бархатные видеть.

– Это какие ж такие бархатные? – улыбнулся юноша.

– А ты, голубок, ляг на правый бочок, закрой глазки и увидишь. Охо-хо… Господи, помилуй! Господи, помилуй меня, грешную…

Василий только закрыл глаза и мгновенно заснул глубоким счастливым сном.

Глава 3
В поисках счастья

За семнадцать лет до описываемых событий, в год рождения Василия Дроздова, произошло много примечательных событий в Российской империи и в чужих краях.

Матушка-государыня Екатерина отметила надворного советника Гаврилу Державина, сочинившего славную оду «Фелица». Был утверждён договор с Австрией о разделе Турецкой империи (до чего дело, правда, так и не дошло). Среди многих доносов императрица выделила те, в которых намекалось на намерение наследника, великого князя Павла Петровича, превратить возникшие в дворянских кругах масонские общества в свою опору для борьбы за трон… Но оказалось, что то не более чем пустой навет, правда, крайне неприятный и настораживающий. Радовал сердце внук Александр, в пять лет выучившийся читать, могший рассуждать с недетской серьёзностью, оставаясь по виду сущим ангелом: голубоглазый, с кудрявыми белокурыми локонами и ярким румянцем на нежном личике.

В ту пору государыня назначила ему законоучителем протоиерея Андрея Афанасьевича Самборского. Исходила она при этом из того, что отец Андрей многознающ, полжизни провёл за границей и потому сможет предоставить великому князю Александру и брату его Константину всю полноту познаний Закона Божия на новейшем европейском уровне. Петербургский митрополит Гавриил, правда, осмелился заметить, что уж больно не похож отец Андрей на православного священника: брит, ходит в светской одежде, женат на англичанке – ну совсем пастор, а не российский батюшка. Государыня этим мнением пренебрегла. Она вознамерилась приуготовить из внука подлинно европейского государя. Вот почему главными наставниками внуков были определены представители родовитой русской аристократии во главе с генералом Николаем Ивановичем Салтыковым, а действительным воспитателем стал тридцатитрёхлетний швейцарский адвокат Фредерик Сезар де Лагарп, воодушевлённый высокими идеями.

Пруссия в ту пору готовилась к новым войнам, Англия и Франция богатели, хотя и поразному. В Лондоне Вестминстер и Букингемский дворец смогли договориться о разделе власти ради сохранения себя самих в состоянии благополучия и всевозрастающего процветания. А в Париже Лувр по-прежнему видел себя вершиною власти, не сознавая, что таковой уже не является.

Франция действительно богатела: осваивались торговые фактории на Востоке, появлялись новые мануфактуры и фабрики, развивались торговля и банковское дело. Если бы жизнь человеческая зависела лишь от материальных обстоятельств, нормандцам, беарнцам, бургундцам и парижанам предстояло бы безоблачное житье на пути превращения во французскую нацию. Но человек несводим к одному желудку.

И как в ветхозаветные времена позавидовал Каин Авелю, сильно огорчился, восстал на брата своего и убил, так и французские верхи отвернулись от братьев своих меньших, считая их не более чем за полезный и безгласный скот, а низы ожесточились на аристократию и дворянство. И тёмная сила раздувала эту вражду.

Впрочем, на поверхности видно было лишь стремление к благу, даже **всеобщему благу**, уверения в желании **счастья для всех**. Зло ведь никогда не выступает под своим именем, старательно прикрываясь благородными намерениями.

Вдруг появилась масса памфлетов, воззваний, обличений, в которых истина переплеталась с клеветою, призывы к облегчению положения крестьян смешивались с требованием **равенства** вообще, вопреки самой человеческой природе. Звучал христианский лозунг **братства**, но всё было проникнуто духом вражду и приправлено едкой насмешкою. Громовый хохот стоял над французскими землями: осмеивалась религия, «тупое исполнение пустых обрядов»;

осмеивались старые порядки, по которым дворяне процветали за счёт нищих крестьян, живущих в землянках и питающихся просовой кашей; осмеивалась надменная королева Мария-Антуанетта, а там и сам король Людовик XVI. Но общество оказалось так разделено, что верхи – двор и аристократия – если и слышали шквал недовольства, то не сознавали его значения.

Впрочем, иные отлично сознавали. Так на пожаре иной прохожий радуется случаю погреться, а ловкий вор – возможности поживиться. Братья короля прикидывали, как бы спихнуть Людовика с трона, жиреющая буржуазия мечтала о баронских и графских коронах на своих каретах, высшее католическое духовенство – все сплошь развращённые до мозга костей аристократы – готовилось к радикальному преобразованию Церкви… И так, интригуя, богатея и веселясь, Франция шла к кровавой революции.

Между тем в России на Францию продолжали смотреть снизу вверх, желая поучиться у просвещённой Европы премудростям и французской моды, и новейшей французской философии. Парижские просветители с готовностью пользовались денежной помощью, щедро предлагаемой российской императрицей, обменивались с нею прекраснодушными посланиями, которых нравственные рассуждения сильно бывали разбавлены неумеренной лестью повелительнице Северной Пальмиры. На её приглашение прибыть в Петербург не спешили, но наконец Дени Дидро решился. Екатерина Алексеевна предназначала его в наставники внуку.

Дидро ехал в дикую Московию с настороженностью и любопытством, полагая своей миссией просвещение глухой окраины мира, но вскоре понял, что Россия – сама **иной мир**, для него, естественно, чужой, но интересный. Он вращался в петербургском кругу галломанов, высшей аристократии, имел аудиенции у императрицы, посетил университет… Очень хотелось затеять ему дискуссию с русским духовенством, но те уклонялись.

Однажды на одном из приёмов во дворце Дидро решительно подошёл к митрополиту московскому Платону, которого ему рекомендовали как самого умного из русских архиереев. Проповеди митрополита, переведённые по приказу императрицы на французский язык, привели Дидро в восхищение ещё в Париже.

– А знаете ли, святой отец, – обратился на латинском языке философ к митрополиту, – что Бога нет, как сказал Декарт.

– Да это ещё прежде него сказано, – не замедлив, отвечал митрополит.

– Когда и кем? – спросил озадаченный невер.

– Пророком Давидом, – спокойно отвечал Платон. – Рече безумец в сердце своём: нет Бога. А ты устами произносишь то же.

Поражённый неожиданностью и силою отповеди, Дидро застыл, потом неловко обнял Платона.

В тот самый 1782 год в самарских степях, далёких и от Парижа, и от Петербурга, в имении вдовой помещицы Марии Лукиничны Яковлевой случилась беда. Владелица имения тяжело переживала смерть мужа. Потрясение оказалось столь велико, что и спустя полгода она продолжала сидеть, запершись в своей спальне, отказываясь видеть даже детей. Горе было понятно, но, когда горничная услышала, как госпожа увлечённо разговаривает с кем-то за закрытой дверью, в доме забеспокоились.

Вызвали сестру помещицы, жившую неподалёку. Та на цыпочках подошла к спальне и услышала знакомый голос, который жалобно просил:

– Евдоким, голубчик мой, ты меня никогда не оставишь? Я для тебя всем пренебрегла, даже детьми…

Повредилась в уме – иного заключить было нельзя. Сестра пробовала войти в спальню, но бедная больная то на коленях молила оставить её с мужем, то с яростью бросалась выталкивать.

– Помоште, матушка, – просила старая нянька. – Деток больно жалко. Уж мы все молимся за неё, и детки молятся, а беда не уходит.

– Мы к ней хотели зайти, – рассказала старшая, двенадцатилетняя Аня, – а она закричала, что ненавидит нас, чтобы нас увели, мы ей больше всех мешаем.

– Потерпите ещё немного. Я вызову брата из Петербурга.

Спустя месяц приехал брат, предупреждённый обо всём. Решительно вошёл к больной и велел отворить окна. Та в бешенстве бросилась на него, царапая и кусаясь.

– Лошадей готовьте! – крикнул он.

– Умоляю вас, не разлучайте меня с мужем! – кричала. – Я умру без него!

Закутав в одеяло, он на руках вынес сестру и посадил в коляску, велев кучеру гнать в город «во всю ивановскую». Дорогою так кричала бедная, что прохожие в страхе крестились.

Брат привёз её в свой самарский дом. Шесть недель не отходили от неё он, вторая сестра и приходский священник. Она, казалось, не слушала их, то разговаривала сама с собою, то читала Евангелие, принесённое отцом Никодимом. Вдруг в одну ночь вскочила Мария Лукинична, бросилась к иконам и на коленях стала молиться.

– Позовите поскорее батюшку! – попросила она сестру. – Я хочу причаститься!

С радостью поспешил к ней отец Никодим. После причащения Святых Тайн так же возбуждённо обратилась она к сестре:

– Детей привезите, пожалуйста! – и облегчённо заплакала.

Мир и покой воцарились в доме. Вечером, когда спешно привезённых детей увели спать, Мария Лукинична рассказала брату с сестрой и священнику, что в эту решающую ночь ей во сне привиделся старичок и стал строго выговаривать, какое она делает страшное преступление против Бога и как она могла думать, что муж к ней ходит. «Ежели бы ты знала, с каким ты духом беседовала, то ты бы сама себя ужаснулась! Я тебе его покажу. – И она увидела страшное чудовище. – Вот твой собеседник, для которого ты забыла Бога и первый твой долг – детей!» «Помоги мне, грешной, – взмолилась она, – исходатайствуй прощение моему преступлению. Обещаюсь с сей минуты служить Господу моему, стану нищих, больных, страждущих утешать и им помогать». «Смотри же, – мягче ответствовал старичок, – исполни и тем загладишь своё преступление. Сейчас вставай и зови доброго пастыря, чтобы он тебя приобщил Святых Тайн».

Наутро Мария Лукинична привела детей к брату и сказала им:

– Вот ваш отец и благодетель. Он вам мать возвращает, и вы теперь не сироты.

Жизнь её действительно переменилась решительно. Детей стала воспитывать строго, не баловала. Шубы у Ани не было, ходила зимой, закутанная в платки. На завтрак детям подавали горячее молоко и чёрный хлеб, чаю не знали, в обед – щи, каша, иногда кусок солонины, летом – зелень и молочное.

Резвая Аня любила бегать, купаться, что поощрялось матерью, и лазить по деревьям, что строго запрещалось; много ходила пешком, ездила верхом. Мать приучила её читать Священное Писание и молиться.

Навещавшая их тётка, напротив, девочку ласкала. С осторожностью разговаривая с сестрой, она как-то решилась спросить:

– Зачем ты дочку так грубо воспитываешь?

– Я не знаю, в каком она положении будет. Может быть, и в бедном или выйдет замуж за такого, с которым должна будет по дорогам ездить – так и не наскучит мужу прихотями, всем будет довольна, всё вытерпит. А ежели будет богата, то к хорошему легко привыкнет.

Зимою жили в городе, и там Аня постигала другую науку – милосердия. Всякую неделю мать с дочкой хаживали в тюрьму, где раздавали деньги, еду и сработанные своими руками рубашки, чулки, колпаки, халаты. Больных Мария Лукинична лечила, кормила особенной пищею и поила чаем. Аня не стояла в стороне, подчас и раны обмывать приходилось.

Приходили в дом нищие – и оделялись деньгами, рубашками, башмаками. Сама их кормила за столом и заставляла детей прислуживать. Мало того, одного из своих дворовых она отрядила специально для поисков немощных и страждущих. Сколько бедных домов было у неё на содержании, сколько сирот выдала замуж!

– Ежели ты будешь в состоянии делать добро для бедных и несчастных, – нередко повторяла мать Ане, – то ты исполнишь закон Христов, и мир в сердце твоём обитать будет, и Божие благословение сойдёт на главу твою, и умножится богатство твоё, и ты будешь счастлива. А ежели ты будешь в бедности и нечего тебе дать будет, то и отказывай с любовью, чтобы и отказ твой не огорчил несчастливого, и за отказ твой будет тебя благословлять. Но в бедности твоей ты можешь делать добро: посещать больных, утешать страждущих и огорчённых. И помни всегда, что они есть ближние твои и братья, и ты за них будешь награждена от Царя Небесного. Помни и не забывай, мой друг, наставления матери твоей…

Так в трудах и молитвах текли дни доброй помещицы, и никто не ждал их скорого пресекновения. Но вот как-то арестанты увидели в дверях одну Аню с узелками.

– Жива ли наша благодетельница?

– Жива, – ответила девочка, – но больна. И говорят, опасно.

Болезнь навалилась на Марию Лукиничну вдруг и разом придавила её. Все вокруг и сама она сознавали, что наступили последние дни земной её жизни. И вот тут откуда-то возникли соседи – Елизавета Фёдоровна Карамышева с сынком Александром Матвеевичем, двадцати семи лет. Повадились ездить на весь день. Мать сидела с больной, а сын – с Аней в гостиной. Ей эти посещения были неприятны, а отчего – понять не могла.

Александр Михайлович рассказывал о своей военной службе, о поездках по России, а то просто смотрел на неё и странно улыбался.

В мае переехали в деревню. Больная едва отошла от дороги, как велела позвать Аню.

– Вот что, друг мой, – слабым голосом сказала Мария Лукинична. – Выслушай от меня спокойно всё, что я буду тебе говорить. Ты видишь, что нет надежды к моему выздоровлению. Я не страшусь смерти и надеюсь на милосердие Спасителя, но горько мне тебя оставить в таких летах… Брата твоего я пристроила, а у тебя есть другая мать и покровитель. Не откажи только признать их за таковых. Дай мне спокойно умереть!

Девочка от усталости и ошеломления даже не заплакала.

– Я, маменька, никогда вашей воле не противилась…

– Так знай, что я тебя помолвила за Александра Матвеевича и ты будешь скоро его женою.

Будто одеревенела тринадцатилетняя Аня.

– Ты поняла меня?

– Кто же будет ходить за вами, маменька?

– Тебя со мною не разлучат. Да и недолго уже…

Со свадьбой не медлили, но далее жизнь пошла не так, как | ожидала Аня. С матерью её разлучили, несмотря на горькие слёзы и отчаяние. Муж отвёз её в свою деревню, в небольшой старый дом, где отвёл ей комнату, объявив, что она должна слушаться во всём его и его племянницу, которая с ними будет жить постоянно, и даже спать будет с ним в одной спальне, так как очень любит дядю, и ей тягостно ночь провести, не видевши его. Но говорить об этом никому никогда не надо. Так много горя обрушилось на Аню, что у неё и сил недостало удивиться, почему нельзя говорить никому о горячей любви племянницы к дяде.

Началась новая жизнь, чаще – беспросветно тягостная, реже – дарящая утешение. Будто знала покойная Мария Лукинична, к чему надо готовить дочку. Муж был способен и удачлив по службе в горном ведомстве, имел влиятельных покровителей и хороший доход, но деньги уходили на игру и гульбу. С женою был то груб и злобен, то насмешлив: в Великий пост заставлял есть мясной суп, а то предлагал ей завести любовника. «Племянница» вскоре пропала, но он ни одной юбки не мог пропустить. Дома своего не было – снимали квартиры то в Петер-

бурге, то в Петрозаводске, то в Архангельске, то кочевали по Малороссии. Так прожила она без малого двадцать лет.

Но всё имеет конец на этом свете. Похоронив мужа, Анна Евдокимовна вскоре вышла замуж за Александра Фёдоровича Лабзина, молодого (на восемь лет моложе её) чиновника секретной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта. Сблизило их испытываемое обоими сильное религиозное чувство и с удивлением открытое друг в друге стремление ещё более приблизиться к Господу, полнее и глубже, чем проповедуют священники в церкви, понять учение Христово.

В то время русское дворянство оказалось оторванным от родных корней народной жизни и православия. Могучей рукою Петра была вырыта пропасть между дворянским слоем и основной массой народа, немногие могли преодолеть её. Большинство же, пытаясь удовлетворить естественную тягу души к духовному просвещению, обратилось к мистическим учениям, во множестве появившимся в Европе. Масонство виделось желанным лучом света, и многие спешили на этот свет.

В книге «О заблуждениях и истине» одного из Виднейших европейских мистиков Сен-Мартена говорилось: «Следить за материей – значит толочь воду. Я познал лживые науки мира сего и познал, почему мир не может ничего постичь: на эти науки направлены только низшия способности человека. Для наук человеческих нужен один разум, оне не требуют души; между тем для наук божественных разума не нужно, ибо душа их вся порождает…» Масонство предлагало организованные формы для проявления такого рода мистических настроений.

Казалось бы, явными противниками масонства были вольтерьянствующие вольнодумцы. Отзыв их кумира об учении Сен-Мартена был таков: «Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо более абсурдное, более тёмное, сумасшедшее и глупое, чем эта книга». Между тем поэмы Вольтера, самый дух его сочинений, широко известных во всех домах столичного и отчасти провинциального российского дворянства, был пронизан ядом насмешки и ненависти к святыням христианства, что с очевидностью также влекло от церкви, от веры отцов и дедов.

При всей закрытости масонства известно было, что цели оно Провозглашает самые благородные и чистые, что все входящие в общество (и князья и лавочники) считались братьями и обязаны были помогать друг другу. Масонство выглядело неким собранием благородных людей. Пылкий и чистый сердцем Лабзин с радостью принял предложение о вступлении в общество, и жена поддержала его. Оба желали посвятить себя делам милосердия и благотворения, дабы увеличить счастье на скудной добром земле.

Продвигаясь по этому пути, Лабзин стал видным масоном и в 1800 году основал в Петербурге новую ложу. Анна Лабзина стала его верной помощницей и даже, в нарушение масонских правил, запрещавших участие женщин, присутствовала на некоторых заседаниях, что, впрочем, не указывалось в протоколах.

Власть занимала в отношении масонов позицию смутную. Открытого преследования их не начинали, поскольку в масонство вошли сливки русской аристократии – князь Андрей Борисович Куракин, князь Григорий Петрович Гагарин, граф Яков Алексеевич Брюс, граф Пётр Разумовский, барон Строганов. С другой же стороны, власть не могла смириться с существованием в государстве тайной организации, прямо связанной с иностранными державами и преследующей неясные цели. Государыня Екатерина Алексеевна вознамерилась побороть зло. Приближённые её (сами почти сплошь вольные каменщики) указали противника – Николая Новикова[3].

[3] Новиков Николай Иванович (1744–1818) – русский просветитель, писатель, журналист, издатель. Выпускал сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелёк». В 1779 г. арендовал на 10 лет типографию Московского

Расчёт был прост. Новиков, верно, принадлежал к масонскому обществу и был чрезвычайно активен в своей деятельности, однако не совсем в той сфере, в какой желательно было бы обществу. Во взятой в аренду университетской типографии для всемерного распространения **просвещения** в России он издавал сотни книг, от букварей и учебников до богословской и философской литературы. А в Зимнем дворце помнили, как недовольна была государыня многими публикациями в давних новиковских журналах, где прямо звучала насмешка над иными её драматическими творениями. Молодой Новиков принял за чистую монету вольнолюбивый дух екатерининского Наказа[4], забыв, что опасно задевать самолюбие автора, тем более автора венценосного и очень памятливого. Приманка сработала.

Высочайшим указом императрицы от 23 декабря 1785 года московскому главнокомандующему графу Брюсу и высокопреосвященному митрополиту московскому Платону предписывалось освидетельствовать издания типографии отставного поручика Новикова, ибо, как отмечалось, из оной типографии выходят «странные книги». Митрополиту Платону поручено было также испытать самого Новикова в православном законе, «а в книгах типографии его не скрывается ли умствований, несходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности».

26 января 1786 года митрополит Платон донёс государыне, что поручик Новиков призван был и испытан в догматах православной греко-российской Церкви и оказался примерным христианином. Изъятые книги митрополит разделил на три разряда: 1) книги собственно литературные, которые по скудости литературы отечественной желательны к распространению; 2) книги мистические, которых высокопреосвященный просто не понял и потому судить о них не может; 3) книги самые зловредные, развращающие добрые нравы и ухитряющиеся подкапывать твердыни святой нашей веры. «Сии-то гнусныя и юродивыя порождения так называемых энциклопедистов, – писал митрополит Платон, – следует исторгать, как пагубныя плевела, развращающий добрыя нравы». Спустя Два месяца указом государыни графу Брюсу дано было знать, какие книги изъять из книжных лавок и сжечь. Дополнительно московскому главнокомандующему было сообщено, что государыне приятно будет, ежели после окончания аренды Новиковым университетской типографии сия аренда не будет возобновлена.

Таким образом, удар по масонству вроде бы и был нанесён, но цели нс достиг.

В первый день нового 1800 года молодая жена великого князя Константина Павловича принцесса Юлиана Сакс-Кобургская едва не умерла от страха. Рано утром, когда за окнами Зимнего дворца было совсем темно, а в коридорах ещё не началось тихое мельтешение слуг и придворных, принцесса, принявшая в православии имя великой княгини Анны, была разбужена оркестром трубачей, прямо под её дверями проигравшими «зорю». Сделано было сие по приказанию её супруга, большого шутника, великого князя Константина. Бедную принцессу трясло весь день, что искренне забавляло её мужа.

Великая княгиня Анна не осмелилась пожаловаться императору, но своей свекрови императрице Марии Фёдоровне излила всё негодование, заявив, что у неё недостаёт сил переносить дикие чудачества грубияна мужа и она намерена покинуть Россию. Мария Фёдо-

---

университета и переехал в Москву. Издавал книги по всем отраслям знаний, в том числе религиозно-мистические, а также газету «Московские ведомости». Сплотил вокруг себя писателей, публицистов, переводчиков, арендовал ещё 2 типографии, организовал «Типографическое общество». Основал ряд библиотек, школ в Москве, сеть книжных магазинов в 16 городах. По приказу Екатерины II заключён в Шлиссельбургекую крепость, где просидел с 1792 г. по 1796 г. Освобождён Павлом I, но вернуться к общественной деятельности не смог.

[4] …вольнолюбивый дух екатерининского Наказа… – Наказ Екатерины II – философско-юридический трактат, изданный на русском, немецком, французском и латинском языках в качестве руководства для депутатов Комиссии об уложении 1767 г. Состоял из 22 глав, 655 статей государственного, уголовного и гражданского права, а также вступления, заключения и 2-х дополнений. Фразеология просветительских теорий сочеталась в этом Наказе с обоснованием необходимости самодержавия в России, с рекомендацией барщины и т. п. Практического применения не имел.

ровна, как могла, успокаивала бедную немецкую девочку, польстившуюся на великокняжескую корону.

Позднее принцессу успокаивали на половине наследника престола, великого князя Александра. Его молодая жена великая княгиня Елизавета Алексеевна (ещё недавно – принцесса Луиза Баденская) жила в полном мире и согласий с мужем. То была удивительно Счастливая пара.

Двадцатитрёхлетний великий князь Александр Павлович обладал очарованием редкого красавца (в отличие от брата Константина, курносого, лысоватого, с грубым голосом и резкими движениями). Улыбку его называли не иначе, как «ангельской», грация его движений и величавая поступь порождали сравнения с Аполлоном. При всём том, наследник сформировался в дворцовой атмосфере трусости и стяжательства, смелого разврата и наглого лицемерия как умелый царедворец.

Он рано научился скрывать свои подлинные чувства и мысли, и от покойной бабки, и от строгого отца. Шатки и неопределённы были внушённые Лагарпом идеи республиканизма и свободы… Мягкость характера, природные доброта и лень порождали в нём мысль об отказе от престола, и он долго лелеял мысль о жизни свободного гражданина на берегу Женевского озера, однако притягательность царской власти оказалась несравнимо сильнее. Церковные обряды он послушно выполнял, но в атмосфере мистицизма, питаемой то вольтерьянством, то масонством, то идеями отцов иезуитов, которые осмелели в России при Павле Петровиче, великий князь стал сущим космополитом.

Впрочем, мысль о благе отчизны была для него важна, чувство долга оставалось твёрдым. Он сознавал крайнюю неготовность брата Константина для российского престола и видел растущее недовольство столичного дворянства батюшкиным правлением… Императорская корона надвигалась на него. Он и страшился этого, и очень желал…

Глава 4
Первопрестольная

Москва встретила отца и сына Дроздовых празднично. На пути в лавру они собирались остановиться в ней на денёк, а пробыли без малого неделю. День за днём пролетали в богослужениях, сидении за столом в доме деда Александра Афанасьевича, его сына Григория, служившего диаконом в церкви Иоанна Воина, и отцовского зятя Сергея Матвеевича, чиновника Московского епархиального управления (с помощью которого отец хлопотал о месте диакона для своего будущего зятя Иродиона Сергиевского). Сколько было съедено! Сколько услышано новостей и житейских историй! Сколько было увидено красоты и редкостей! У Василия голова шла кругом.

Первым делом сходили к Иверской. Часовня у Воскресенских ворот Китай-города пылала жаром множества свечей, Череда самых разных людей продвигалась медленно перед иконою, тут по виду были мещане и мужики, купчихи и закутанные в платки бабы с детками, которых они поднимали приложиться к святыне; тут же с десяток дворян и дворянок теснились вокруг священника, служившего молебен, как пронеслось вокруг, «для новобрачных». Но Василий не сумел разглядеть жениха с невестою.

На пути к отцовским родственникам – родителям жены отцовского брата Ивана Фёдоровича – прошли шумной Неглинною, по правой стороне которой на одном из московских холмов стоял Рождественский монастырь. Самой речки не было видно. По словам отца, на масленицу здесь устраивались знатные ледяные горы. Отец Михаил и радовался Москве, и покряхтывал от частых непредвиденных расходов то на сбитень и пирожки для Васи, то на дивной работы лампады (в подарок тестю и для дома), которые он присмотрел в лавке на Никольской и не мог не купить. А Василий с изумлением и робостью постигал после коломенского захолустья новую для него жизнь большого города.

В волнениях и хлопотах старший Дроздов едва не забыл наказ своего отца Фёдора Игнатьевича: непременно сходить в Новоспасский монастырь к старцу Филарету. Признаться, сам отец Михаил большой нужды в том не видел, да и времени мало у них, но ведь почему-то же молчаливый и несловоохотливый батюшка просил… Пошли в Новоспасский. Через густую толпу едва пробрались к келье старца, благо облачение иерейское помогло. Седенький старик едва глянул на отца с сыном, как руки протянул к ним:

– Милые мои, я вас заждался!

Дроздовы переглянулись с удивлением.

Старец начал свой монашеский путь с Саровской пустыни, был переведён в Александро-Невскую лавру, а лет десять назад обосновался в Москве. Он славился исключительной прозорливостью; митрополит Платон назначил его духовником инокини Досифеи (дочери от тайного брака императрицы Елизаветы и графа Разумовского); православным книжникам известно было его немалое собрание рукописной святоотеческой литературы. Ничего этого Дроздовы не жали. Помимо нежданного приветствия их поразила умилительная кротость и ласковость старца.

– Благословите, отче, отрока Василия, – попросил отец Михаил. – В семинарию поступает.

Старец пристально вглядывался в лицо младшего Дроздова, так что Вас» даже смутился и потупился.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! – торжественно произнёс отец Филарет твёрдым голосом, осеняя крестом юношу, и неожиданно добавил: – А в другой раз ты меня благословишь…

Старец помолчал ещё и заговорил будто сам с собою:

– …кто хочет идти за Мною, отвертись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною… Много званых, но мало, ох, мало избранных…

Келейник сделал им знак, и Дроздовы дошли к двери. На пороге ещё оглянулись и поразились прямому и счастливому взгляду старца: он радостно улыбался!

– Понравился ты ему, видно, – задумчиво сказал отец Михаил. – Надо полагать, с семинарией всё обойдётся.

Сын не ответил. Он заново переживал короткие минуты пребывания в полутёмной келье и непонятное пророчество.

В доме московского деда Василий бросился к книжной полке, на которой выстроились толстые и тонкие тома в твёрдых тёмных переплётах с золотым тиснением. Библия на славянском, Псалтирь тоже на славянском, «Грамматика» Ломоносова, творения Блаженного Августина на латыни, «Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений»… Интересно…

«Не всё у нас ещё, слава Богу, заражены Францией; но есть много и таких, которыя с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с не меньшим удовольствием увидят некоторый начертания нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранным; но стыдно презирать своих соотечественников, а ещё паче и гнушаться оными».

– Батюшка! Какая хорошая книга! – обратился к отцу Василий.

– Книга, может, и хорошая, – осторожно сказал отец, – но ты всё ж таки поставь её на место. Издателя её, Новикова, только недавно из крепости выпустили.

По Кремлю его водил отец. Василий увидел первую церковь, поставленную на Москве, – Рождества Иоанна Предтечи, от которой открывался прекрасный вид на Замоскворечье. Неподалёку древний собор Спаса на Бору с богатейшим убранством, но удивительно маленький, как образ ушедшего в историю Московского княжества. И будто для сравнения за ним возвышался величественный кафедральный Успенский собор, главный храм Московского царства. Для его осмотра дедушка Александр Афанасьевич назначил особенный день.

Василий был поражён громадностью храма уже при первом посещении службы. Нынче, отерев нос и щёки и распутав концы башлыка, он вдруг увидел то, чего не мог понять сразу: строгую красоту устройства и убранства храма.

Усталый отец присел у свечного ящика, а юноша, задрав голову, обходил храм. Подолгу стоял он у росписей стен собора. Западную сторону почти всю занимало изображение Страшного суда, северную – вселенских соборов. На огромных столпах – фигуры мучеников христианских, ибо они служат опорой и утверждением Божественной Истины.

Иконостас был грандиозен, возвышаясь во всю высоту собора на пять ярусов. Иконы на верхнем, пятом, были почти неразличимы, там вокруг Бога Саваофа помещались образы древних праотцев и патриархов, на четвёртом – пророков ветхозаветной церкви, с иконой Знамения Божией Матери посредине. На третьем иконы церковных праздников и евангельских событий. На втором – в человеческий рост изображения Спасителя в образе Великого Архиерея с предстоящими перед ним Богоматерью, Иоанном Предтечей и апостолами. Нижний ярус, как и в любой Церкви, посвящался местным иконам, но среди них была одна – святыня всероссийская.

– Владимирская икона Божией Матери, написанная ещё при жизни Пресвятой Девы евангелистом Лукой, была вывезена из Царьграда в Киев в шестом веке, – сказал подошедший дедушка Александр. – Князь Андрей Боголюбский привёз её во Владимир на Клязьме – отсюда и название образа, – а в Москву впервые привёз её великий князь Василий Первый, дабы обо-

ронить город от жестокого нашествия. Сколько чудесных избавлений и исцелений случилось благодаря этому дивному образу, едва ли кто скажет… Пойди приложись.

С благоговейным трепетом юноша прикоснулся губами к холодному серебряному окладу, укрывавшему образ, перекрестился и совсем близко увидел дивный лик, в котором и умиление, и печаль, и утешение, и упование твёрдое… Никто не ведал, что было тогда в сердце его.

Дедушка рассказывал такие интересные вещи, что не только Василий, но и отец слушал с увлечением о царском и патриаршем месте, о троне Владимира Мономаха и упокоившихся здесь первосвятителях российской церкви, начиная с митрополита Петра до митрополитов Ионы[5], Филиппа[6], Гермогена[7].

Людей в храме не было видно, лишь возле дверей какой-то служка не спеша тёр веником каменные плиты пола. Отец и дедушка свернули за толстый столп, и Василий не удержался – уселся на патриаршее место под невысоким сводом, опирающимся на витые столбики тёмного дерева.

– Зря примериваешься, вьюноша, – с улыбкою и совсем не строго сказал вдруг вышедший из-за столпа Александр Афанасьевич. – Государь Пётр Алексеевич патриаршество на Руси отменил[8]. Теперь у нас Синод.

---

[5] Иона – митрополит Московский. После смерти митрополита Фотия (1431) собор русских иерархов избрал на митрополию Иону, но в то время назначение митрополитов происходило от греческого патриарха, а последний поставил митрополитом не только всея Руси, но и Литвы епископа смоленского Гервасия. Иона продолжал именоваться наречённым митрополитом до 1448 г., когда собором русских епископов был торжественно поставлен митрополитом московским и всея Руси. Таким образом со времени Ионы начался период фактической независимости московских митрополитов от греческих патриархов. Митрополит Иона деятельно помогал великому князю московскому в собирании Руси воедино. Умер в глубокой старости в 1461 г.

[6] Филипп – см. коммент. № 45.

[7] …упокоившихся здесь первосвятителях российской церкви, начиная с митрополита Петра до митрополитов Ионы, Филиппа, Гермогена. – Пётр, святой, митрополит всея Руси. Родился во второй пол. XIII в. Двенадцати лет поступил в монастырь, где научился писать иконы и отличался подвижничеством. В 1305 г. был избран митрополитом всея Руси и поселился в Москве, приняв сторону князя Юрия московского, боровшегося тогда за великокняжеское достоинство с Михаилом тверским. Вследствие этого Пётр был обвинён тверским епископом Андреем, но на соборе в Переяславле в 1311 г. оправдан. После смерти князя Юрия окончательно поселился в Москве, где деятельно помогал князю Ивану Калите в возвращении Московского княжества. Именно по совету Петра Калита построил в Москве кафедральный собор во имя Успения Богородицы. Умер в 1326 г.Гермоген (ок. 1530–1612) – патриарх всероссийский с 1606 г. по 1612 г. Его деятельность протекала в трудное для России время, названное в истории Смутным. И патриарх Гермоген оказал тогда государству Русскому и Церкви неоценимые услуги. Родился он в Казани, где и оставался до избрания его на престол всероссийского патриарха. В 1605 г., присутствуя на соборе в Москве, созванном по случаю помазания Лжедмитрия на царство, Гермоген оказал мужественное сопротивление самозванцу по вопросу о бракосочетании его с Мариной Мнишек, за что был удалён в Свою епархию в Казань. Вскоре после восшествия на престол Василия Шуйского был созван собор, который, низложив патриарха Игнатия, поставленного Лжедмитрием, избрал в июле 1606 г. Гермогена казанского патриархом. Во время восстания Болотникова, когда мятежники подступили к самой Москве, Гермоген разослал по городам грамоты с объяснением тяжёлого положения Москвы и царя. Грамоты произвели должное впечатление: народные ополчения двинулись к Москве, и с их помощью мятеж был подавлен. С низложением Шуйского начался особенно важный период деятельности Гермогена. Когда на московский престол была выставлена кандидатура королевича Владислава, Гермоген потребовал, чтобы он принял православие, но из переговоров об этом с королём Сигизмундом Гермоген понял, что тот сам рассчитывает сесть на русский трон. Поэтому Гермоген всячески протестовал против входа в Москву гетмана Жолкевского с войском. Когда бояре потребовали подписи патриарха на грамоте, предписывавшей Смоленскому сдаться и положиться на волю короля, он ответил отказом. Отсутствие его подписи на грамоте дало повод московским послам отказаться от этого приказания. Замыслы поляков покорить русскую землю стали очевидны всем. Гермоген, устно проповедуя и рассылая грамоты, увещевал народ крепко стоять за православную веру. Грамоты патриарха вызвали большой подъем патриотического чувства русских. Стали собираться народные ополчения и двинулись к Москве для освобождения Родины. Поляки и бояре, стоявшие на их стороне, под угрозой смерти требовали от патриарха, чтобы он приказал ополчениям разойтись. Патриарх не сделал этого и был заключён в Чудов монастырь, а когда казаки провозгласили царём сына Марины Мнишек, Гермоген из заключения послал в Нижний Новгород грамоту с протестом. В 1612 г. 22 октября Москва была очищена от поляков народным ополчением под предводительством князя Пожарского и Козьмы Минина. Но патриарх не дожил до этого. Он скончался 17 февраля 1612 г., уморённый голодом поляками.

[8] Государь Пётр Алексеевич патриаршество на Руси отменил. – Патриаршество в России было учреждено при царе Фёдоре Иоанновиче в 1589 г., когда ослабела зависимость русской Церкви от Византии. В разные периоды истории значение патриаршей власти было различно – это зависело от условий, в которых патриарху выпадало действовать. Бывали периоды, когда патриархи не играли крупной роли и только стремились сохранить привилегии духовенства. Случалось же и так, что патриархи правили независимо и наравне с царями. Так было при Филарете (Романове) (см. коммент. № 33), носившем титул «великого государя»; при Никоне (см. коммент. № 42), принявшем такой же титул. Но патриаршая власть в России стала слабеть. В 1700

Василий мгновенно покраснел от стыда, но отец был задумчив и не сделал ему выговора за глупую шалость.

В алтаре они увидели величайшие святыни: Ризу Господню, привезённую в Москву послами персидского шаха, Гвоздь Господень, доставленный из Грузии, часть Ризы Пресвятыя Богородицы. Только крестились благоговейно Дроздовы и радовались, что сподобились такого счастия.

– …Сия дарохранительница из червоннаго золота – дар светлейшего князя Потёмкина-Таврического[9]… В сём ларце покоятся государственные акты о престолонаследии… – Дедушка Александр неожиданно весело посмотрел на своих спутников. – А вот вам, говоря латинской поговоркою, nonmulta, sed multum, что означает: не много, но многое!

Таким знатокам латыни, как Дроздовы, перевод не был нужен. Они вопрошающе взирали на небольшой сосуд из тёмного камня, который бережно держал старый соборный ключарь.

– Сосуд сей из яшмы с финифтяной змейкой, символом вечности, по меркам земной жизни почти вечен, ибо служил ещё Августу Кесарю, от которого перешёл к византийским императорам, а от них попал к Владимиру Мономаху[10]. Подлинно пыль деков впитала эта чаша… Подержи, Васенька, подержи.

Август, Рим, ещё Господь не сошёл на землю, и он, Василий Дроздов, держит в руках это немое свидетельство протёкших веков. Значит, и сам он также часть не только огромного Божиего мира, но и пёстрой всемирной истории… Собор преподал ему ошеломляющие открытия, которые предстояло обдумывать и постигать во всей полноте.

Подойдя к патриаршей ризнице, все трое почувствовали усталость и решили отложить её осмотр на потом.

Отошли от ризницы и невольно подняли глаза на стройную громаду колокольни Ивана Великого. Будто рослый богатырь в золотом шеломе стоял посреди древнего городища, зорко оглядывая, не идёт ли откуда враг.

– Красота-то какая, Господи! – выдохнул отец.

– Батюшка, пойдёмте колокольню посмотрим! – И устал, и голова гудела, и ледяной ветер с реки разгулялся, но невозможно было отойти просто так от очередного чуда.

– Ты, Васенька, иди-ко сам, скажешь там, что я позволил, – решил дело дедушка Александр. – А мы с твоим батюшкою отправимся перекусить. Наморозишься – беги скорей в дом.

Квартира соборного ключаря располагалась в покоях старого Патриаршего двора позади Успенского собора.

Сам не понимал, отчего вдруг ушла усталость. Нош несли его всё выше, всё дальше по высоким потёртым белым ступеням внутренней лестницы, шедшей внутри пятиметровой толщи стены. Так же ходил царь Иоанн Васильевич Грозный, едва не задевая скуфейкой чернеца за своды.

Торопясь и поскальзываясь, он обошёл первый ярус, протискиваясь мимо громадных колоколов, каждый из которых был больше их самого большого соборного. На второй ярус вела

г., после смерти патриарха Адриана, царь Пётр I, не решаясь сразу отменить патриаршество, назначил местоблюстителя патриаршего престола, а в 1718 г., заменяя приказы коллегиями в государственном управлении, заменил и единоличную власть патриарха коллегией: постоянным сбором духовного правительства, – ибо на церковь Пётр Алексеевич смотрел не с духовной точки зрения, как на общество верующих, а с государственной, как на учреждение правительственное. Таким образом духовная коллегия (впоследствии Св. Синод) стала высшим духовным и правительственным учреждением в России. (Восстановлено патриаршество в России на поместном Соборе русской Православной Церкви 5 (18) ноября 1917 г.)

[9] Потёмкин-Таврический – Потёмкин Григорий Александрович (1739–1791), русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1784 г.), организатор дворцового переворота 1762 г., фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II. Способствовал освоению Северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического.

[10] …ибо служил ещё Августу Кесарю, от которого перешёл к византийским императорам, а от них попал к Владимиру Мономаху. – Август Кесарь – Гай Юлий Цезарь Октавиан, римский император в 27 г. до н. э. – 14 г. н. э. Владимир II Мономах (1053–1125), с 1113 г. великий князь киевский, сын Всеволода I и дочери византийского императора Константина Мономаха.

уже витая металлическая лестница. Тут оказалось попросторнее, но тянуло дальше. Третий ярус ошеломил тем, что огромный город отсюда виделся сжавшимся вдвое.

Далеко внизу медленно тащилось множество саней, редкие кареты на полозьях. Хорошо было видно пёструю толпу на Красной площади, где снега будто и не было, а вдали на самом краю горизонта пустыри, рощи, укрытые снегом, какой-то дворец красного камня, поближе – невиданная сизая громада с остроугольной башней. Да это Сухарева башня!

За несколько минут он продрог до костей и с сожалением должен был уйти, не разглядев всего. Но, проходя мимо первого яруса, не выдержал, вышел на обзорную площадку с балюстрадой и, протаптывая тропинку в нанесённых сугробах, смотрел и смотрел на дома, церкви и дворянские особняки Замоскворечья, близкие Ильинку и Варварку внутри стен Китай-города, совсем близкие Охотный ряд и сказочный белокаменный дворец против самого Кремля, на удивительный собор Василия Блаженного, десятки церквей и соборов Кремля…

«Летом бы сюда приехать», – думал Василий, стуча зубами от холода.

В квартире дедушки, состоявшей из нескольких маленьких, квадратных и вытянутых, комнаток с низкими сводчатыми потолками и крохотными окнами, его заждались. Бабушка, тётки и дядья, которых ещё недавно он не знал, наперебой потчевали всем, что стояло на столе, а потом вернулись к своим разговорам.

– Преосвященный Платон строг, верно. Когда служит в Чудовом или в Большом соборе, никто не отважится разговаривать. Уж на что знатные дворянки есть, а ни одна не принимает благословение владыки или антидор в перчатках. Ежели увидал какого духовного на улице пьяным, никогда не спустит, – рассказывал старшему Дроздову второй сын дедушки Александра, диакон Фома.

– Что ж, в монастырь отсылает?

– Редко. Он хоть строг, а сердцем мягок. Иному выговор сделает, иного пошлёт поклоны земные класть или пеню наложит немалую, до пяти рублей, иного низведёт на низшие должности… Недавно кум из лавры приехал, рассказал, как к владыке после службы подошёл какой-то приезжий монах из дальнего монастыря с жалобою, что кормят их чёрствым и заплесневелым хлебом, и показал кусок. Владыка взял кусок и стал есть. «А где ты родился? – спрашивает монаха. – А кто родители?.. Отчего в монастырь постригся?..» Тот всё рассказывает. «Да с чем же ты, отец, пришёл ко мне?» – наконец спрашивает Платон. «Жаловаться на дурной хлеб». – «Где же он?» – «Да вы скушали его!» – «Ну и ты иди, твори такожде».

Посмеялись невольно духовные за столом, покрутили головами.

– А с чего ж пошло упразднение епархии нашей? – полюбопытствовал отец Михаил. – Едва ли владыка Платон тому причиною.

– Синод мудрит, – нехотя отвечал зять Сергей Матвеевич, единственный ад столом бывший бритым и не в рясе, а в коричневом сюртуке. – Хотя дела так поворачиваются, что скоро и Синод по-московски говорить начнёт.

Про Василия никто не вспоминал. Он сидел в углу на твёрдой лавке в полудрёме от тепла, сытной еды и силился ничего не пропустить из таких интересных разговоров. Дома в Коломне дед и отец обсуждали церковные дела наедине, выставив его за дверь. А здесь он сидит со всеми за столом, как большой. Да он и есть большой!..

Служанка тихо и незаметно убрала со стола пустые блюда и тарелки. Духовенство не имело права владеть крепостными душами, но запрет этот обходили, покупая прислугу на имя знакомых помещиков. На столе появились бутыли с наливками, рюмки синего и зелёного стекла, мёд, варенья, сладкие пироги, белые фарфоровые чашки с синими рисунками цветов и трав.

– Хорошо живете, отец Александр, – невольно порадовался старший Дроздов.

– Не жалуемся, благодарение Господу, – отозвался тот. – Пряники что ж забыли? Внуков надо побаловать… А что в консистории про новые указы слышно?

Появившиеся из соседней комнаты внуки и внучки подходили и получали по печатному Вяземскому прянику. Василий думал было пересидеть, но отец глянул строго – юноша встал и тоже подошёл к старику.

Отец Александр пригнул его и поцеловал в лоб.

– Вот вам архиерей будет! – объявил он.

– Это почему же? – усмешливо поинтересовался диакон Фома.

– А потому что учен, а молчит себе да слушает, как мы с вами языки точим. Бери пряник, умница, и чай пей. А Москва, известно, слухом полнится, молвою живёт… Так что с указами?

– В точности не помню, батюшка, – с усилием заговорил осоловевший консисторский, – про цветы вот. Высочайше поведено, что если кто желает иметь на окошках горшки с цветами, держали бы оныя по внутреннюю сторону окон, а ежели по наружную, то непременно чтоб были решётки. Другой указ – чтоб не носили жабо и не имели на физиономии бакенбард. Чтоб малолетние дети на улицу из домов не выпущаемы были без присмотру…

– Как это у государя на всё времени достаёт…

– Ещё указ, что вальс танцевать запрещается, башмаки не носить с лентами, иметь оныя с пряжками.

– Ты всё про дворянские дела, а про духовных было что?

– Из недавних газет ничего не было.

– Да ведь и сколь уж дал нам государь, – вступил в разговор старший Дроздов. – Телесные наказания отменил, награды специальные ввёл. У нас в Коломне иные батюшки спят и видят, как бы наперсный крест особенный получить, а то и митру.

– Наш-то владыка был против, – тихо сказал отец Александр. – Полагает он, что митра есть часть только архиерейского облачения и честь ношения её умалится, ежели надеть её на голову любого протопопа. Но государю виднее…

Разговор ещё долго тек с события на событие, с одного лица на другое, о скорых свадьбах племянницы отца Александра и старшей дочки отца Михаила, о том, что правильно отец Михаил везёт сына в троицкую семинарию, о назначении на калужскую епархию какого-то Феофилакта, о странных предсказаниях полоумного монаха Авеля, а Василий то слушал, то на мгновение впадал в дрёму… Нравилась ему Москва.

Глава 5
Троицкая семинария

В приёмной ректора архимандрита Августина пришлось издать долго.

Отец Михаил покорно сидел на лавке, положив руки на колени, и изредка поднимал глаза на висевшую в углу небольшую Смоленскую икону Божией Матери с едва заметным огоньком лампады. Василий, кусая губы, то мерно расхаживал от входной двери до лавки, то пытался посидеть, примостившись рядом с отцом, но снова вскакивал и начинал топтаться по тесной комнате. Его грызла обида.

В Сергиев Посад добрались к вечеру. Переночевали у земляков, а поутру, оставив вещи, отправились в лавру. Для младшего Дроздова всё виделось как бы продолжением московских чудес: высокие стены лавры, непохожие друг на друга церкви, громада Успенского собора и дивная красота лаврской колокольни. Зашли в Троицкий собор, чугунный пол которого был устлан толстым слоем сена (иначе зимой было не выстоять службу). После литургии поклонились преподобному Сергию и, помолившись, отправились в семинарию.

Огорошили их ещё у входа свои коломенские семинаристы, приехавшие ранее.

– А наших всех в класс риторики определяют! И на казённый кошт никого не берут! – объявил Ваня Пылаев.

– Как же так? – опешил Василий, – Мы прошли всю риторику…

– Прошли-то прошли, но тут говорят, что мы до философии не доросли, познаний не хватит уразуметь.

– Батюшка, что же это? – аж побледнел Василий.

Отец Михаил отправился в канцелярию. Высокий и худой инспектор иеромонах Мелхиседек сидел за большим столом, заваленным бумагами. Выглядел он строго, глаз почти не поднимал, внимательно выслушивал подходивших послушников и семинаристов, кратко отвечал, успевая при этом подписывать бумаги. Когда же поднял глаза на старшего Дроздова, тот увидел, что взор отца Мелхиседека добр и ласков.

– Ничем не могу помочь, – отвечал он отцу Михаилу, и видно было, что сам искренне этим огорчён. – Отец ректор указал, что знания вновь прибывающих настолько малы, что не грех им посидеть ещё в классе риторики. Беды большой нет. Коли сынок ваш знающ, через год поступит в класс философии. Давайте прошение и документы.

Через год… Восемь лет провёл Василий в коломенской семинарии и полагал, что достаточно учен, год уже отучился в философском классе, а тут на них смотрят как на полуграмотного деревенщину. Обидно! И несправедливо!

– Отец инспектор, – не сдавался старший Дроздов, – нельзя ли Мне самому объяснить отцу Августину наше дело. По справедливости говорю, что сын мой подготовлен отлично – извольте посмотреть аттестат. Латынь знает превосходнейше, это не как отец говорю…

Внутри у Василия всё сжалось от напряжения.

– А греческий? Греческий язык он знает? – мягко спросил инспектор.

– Греческого у них ещё не было…

– Ну что ж тут поделаешь… Да вы не отчаивайтесь, батюшка… Впрочем…

Из глаз Василия потекли жаркие слёзы. Утёр поспешно.

– Аттестат действительно отличный, – размышлял вслух отец Мелхиседек. – Я отцу ректору доложу, а там уж уповайте на Господа.

И вот они ждали. Отец ректор обедал.

Лаврские куранты на колокольне отбивали час за часом. Наступил вечер. Немолодой послушник внёс в приёмную свечу в фонаре с толстыми стёклами. Наконец распахнулись двери покоев архимандрита, откуда степенно вышли несколько иеромонахов и двое статских. Договаривая что-то своё, они прошли мимо Дроздовых, не заметив ни скромного батюшку в небогатой рясе, ни небольшого росточка худенького юношу. Подождали ещё немного. Наконец из приотворенной двери донеслось:

– Зови коломенских…

Василий вошёл со страхом, но ректор архимандрит Августин оказался обыкновенен: среднего роста, очень полный, с широкою бородою лопатою, с зачёсанными назад густыми волосами с проседью, открывавшими высокий лоб; голос его был мягок и певуч, звучал ласково; взор внимателен и испытующ.

– Ну что, батюшка, сынка привезли… Учен, говорят, а мы сей же час его и проверим… Бери перо, юноша, и записывай тему: «An dantur ideae innatae»[11]. Записал?.. Ступай в приёмную и пиши там сочинение, а мы пока с твоим батюшкою чаю попьём. Ступай, ступай.

Знал отец ректор, что в программе коломенской семинарии не предусмотрено было изучение ни платоновских, ни каких иных философских систем, а стало быть, чрезмерно прыткий попович и не мог ничего написать о врождённых идеях. Но не было ему ведомо, что среди отцовских книг Василий давно отыскал «Философию» Винклера и проштудировал её внимательнейше. Благодушно беседовал отец ректор с коломенским иереем, который нравился ему чем дальше, тем больше неожиданной обширностью познаний. Отец Августин был близок к преосвященному и знал, что из 1200 священников московской епархии лишь десятая часть имела полное семинарское образование. Коломенский же поп и читал много, и говорил хорошо. Жаль будет ему отказать, решил отец Августин, поглядывая, когда же появится на пороге фигура удручённого поповича.

К искреннейшему удивлению почтенного ректора, попович вошёл твёрдым шагом и протянул листы с сочинением, которое не стыдно и выпускнику представить.

– Ай да Дроздов… – протянул отец Августин. – Как зовут тебя?

– Василий.

– Что ж делать, принимаю тебя, Василий Дроздов, в виде исключения в философский класс, но на свой кошт. Учись прилежно и моли Бога за отца своего.

Оба Дроздовых в первый миг не осознали прозвучавших слов, и вдруг будто глыба каменная пала с них. Поступил!

И потекли дни новой жизни.

Каждый из них был поначалу труден для семнадцатилетнего Василия, ибо приходилось не только усиленно заниматься науками и прежде всего греческим языком, догоняя товарищей, но и самому обустраивать своё житье, что оказалось ой как непросто.

В первые дни жизни в семинарии он решил пренебречь наказом отца об устроении на казённый кошт, уж слишком неприглядно показались ему после дома условия жизни семинаристов. Даже в самом здании семинарии были теснота и страшный холод, так что иной раз учитель и рта не мог раскрыть. Семинаристы сидели в нетопленных классах с разбитыми окнами, по которым гуляли сквозняки, не снимая армяков и шинелей, часто чесались от множества паразитов. Почти все пожёвывали то сухарь, то кусок хлеба. Начальство же заботилось преимущественно о чистоте нравственности семинаристов и твёрдости их познаний в науках. Василию рассказали, что в открывающейся вскоре новой вифанской семинарии житье наверняка будет полегче, но туда сам преосвященный отбирает учеников. Владыка Платон экономил на отоплении учебных и жилых келий, с тем чтобы побольше помогать бедным: всех неимущих бого-

[11] О врожденных идеях (лат.).

мольцев в лавре кормили бесплатно. Семинаристам же владыка советовал для теплоты «жить потеснее», вследствие чего семинарскому начальству беспрестанно жаловались на страшную тесноту в кельях, где шесть – восемь бурсаков в тулупах едва не сидели друг на друге.

Полагалась казённокоштным семинаристам одежда: бельё, сапоги с чулками, шапки с рукавицами, овчинный тулуп на три года, башмаки с чулками, суконный кафтан на три года с починкою, кушаки из коломейки. В обыкновенные дни весны и осени ходили семинаристы по кельям в длинных халатах и (для сбережения обуви) босиком, надевая форму – суконные синие казакины с малиновым воротником – лишь на занятия. Хлеба полагалось на брата по 14 фунтов в неделю, кваса – без меры, щи по будням пустые, по праздникам с говядиною (по 2 фунта на три человека), да ещё баловали студнем, выставляя по блюду на семь человек.

Василию рассказали, что это ещё хорошо. Ранее на учеников низших курсов отпускалось по 2 1/2 копейки в день, на риторов – по 4 1/2 копейки, на философов – по 5 1/2 копейки и на богословов по 6 копеек. Теперь же расходы увеличили вдвое. Стипендию платят, но она невелика, и выгоднее всего постараться стать стипендиатом митрополита, им сам преосвященный доплачивает по 30 рублей.

Для большей экономии и пресекновения праздности троицкие семинаристы сами мололи себе рожь на хлеб и квас; скот для говядины также свежевали в самой семинарии. Летом все отправлялись на покос.

Народ вокруг Дроздова оказался разный. Иные, точно, богомольны и прилежны в учении, иные плывут себе по течению, не загадывая ничего на следующий день, а есть так и вовсе разгульные насмешники, непонятно для чего поселившиеся в стенах лавры. Разные слышал он советы и приглашения, они не колебали его внутренний покой, за исключением одного вопроса – квартиры.

«Живу на той же квартире, – писал Василий отцу, – но после праздника непременно сойду, потому что на Переяславке никому не велено стоять. Не знаю теперь, куда приклонить голову: не только на хозяйский кошт нигде не принимают, но и на свой – весьма мало. Там тесно; там хозяин пьяница; там беспокойно. Надобно жить или на худой квартире, или на улице. Беда! Если пойдёшь на худую квартиру и то за теснотою, то за шумом будешь терять много времени: то правда, что не хуже будет, если жить на улице»…

С Переяславки, известной в Сергиевом Посаде дурной репутацией, где поселил его сам батюшка, прельстившись дешевизною квартиры, он в январе же сошёл.

Новая квартира была у дворника рождественского попа. Оба, и поп и дворник, славились пьянством, но трём семинаристам был обещан «особый покой», Василий сам покупал муку, в очередь с товарищами варил пустые щи, а вечерами, закрыв уши ладонями, сквозь дворницкие то пение, то храп зубрил греческий язык. Выхода иного не было. Иначе следовало поселиться в лачуге с волоковым окошком, где в самые полдни букв не видно в книге. В такой поселился один из коломенских и вдруг стал часто мигать и щурить глаза…

Василий представлял беспокойство матери и в каждом письме писал, что «меня сие житье весьма мало или совсем не трогает и не огорчает». О нескончаемых простудах, навалившихся на него с середины января, он не упоминал. С удовольствием передавал поклоны всем родным, бабушкам Фроловне, Алексеевне, Васильевне; по просьбе матери, которая, как всякая жена священника, занималась лечением, узнал полезный рецепт: два фунта анису, два фунта льняного семени, десять золотников салоцкого корня, десять золотников салоцкого соку – всё высушить, истолочь, просеять сквозь сито, потом, растопив в муравленом горшке два фунта мёду, всыпать порошок туда, размешать и поставить в печь, дабы хорошо протомился, а принимать по столовой ложке утром и вечером и продолжать лечение шесть недель.

Новости шли с обеих сторон. Василий сообщал отцу, что вовсю штудирует философскую систему Платона и Аристотеля, тексты которых читает по-гречески лишь с небольшими затруднениями. Владыка Платон почти не живёт в Москве в Троицком подворье, что на Суха-

ревке, а большую часть года проводит в Троице или новой своей обители Вифании. Весной по семинарии вышло распоряжение: рубахи, порты, шляпы, чулки и шейные платки казённокоштным семинаристам иметь свои, получая на казённый счёт лишь бельё: Иные приуныли, и рассказывали про двух бурсаков, ходивших у московской заставы по дворам с протянутой рукою. Владыка Платон всячески поощрял в семинарии диспуты на латинском языке, и в них младший Дроздов скоро заслужил хорошую репутацию.

Он не написал об одном случае, заставившем задуматься. Шли после диспута семинаристы гурьбою через лавру, продолжая спорить по-латыни, и один мужик, посторонясь, сказал другому: «Видать, немцы. Как же пустили их сюда?» Василий усмехнулся темноте мужицкой, а потом пришло в голову, что, может, тот и прав… Всё богословие преподавалось им на латыни, а на что латынь в любом приходском храме?

Не знал Дроздов, что вопрос этот уже обсуждался в Святейшем Синоде. Митрополит Платон горячо к сердцу принял дело и писал члену Синода митрополиту Амвросию: «…чтобы на русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучёными, что ни по-французски, ни по-немецки говорить не умеем. Но ещё нашу поддерживает честь, что мы говорим по-латыни и переписываемся. Ежели латыни учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поелику ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке; прошу сие оставить. На нашем языке и книг классических мало. Знание латинского языка совершенно много содействует красноречию и российскому. Сие пишу с общего совета ректоров академического и троицкого…»

С жадным вниманием и интересом следил Василий за каждым появлением митрополита Платона. То был не просто архиерей высшего ранга, близкий к царям, но и мудрый философ, написавший курс богословия, красноречивейший проповедник, слова и речи которого юный семинарист со вниманием штудировал. Парадные митрополичьи выходы были пышны и красивы, но, когда владыка выходил на амвон и произносил проповедь, оказывалось, что говорит он о том, что равно близко и понятно всем, от высокообразованного столичного аристократа до последнего серенького мужичонки.

…Чада мои, остановимся на словах Евангелия: Приидите ко Мне труждающиеся и обременённые, и Аз упокою вы. Возьмите иго Моё на себе, и обрящете покой душам вашим… Сей глас Евангельский всех праведных столь зажёг сердца, что они не давали сна очам своим, и ресницам своим дремания, доколе не обрели покоя сего. Но… Сей покой не состоит в том, чтобы оставить все мирские должности и попечения, то есть чтобы оставить дом, жену, детей, промыслы, и удалиться в уединённое место. Нет. Сии попечения нам от праведной судьбы назначены: в поте лица твоего снеси хлеб твой… Да они же не токмо не отводят от спасения, но и суть средство ко спасению: ибо исправлением должности своея пользуем мы общество и воспитанием детей приуготовляем добрых граждан… Да и приметьте вы в Евангелии: оно, призывая нас к покою, тотчас придаёт: «Возьмите иго Моё на себе». Вот иго: и хотя сказано «иго Моё», а не мирское, но всякий труд, всякое попечение, по учреждению Божию отправляемое с пользою своею и общею, есть иго Божие.

И не может извиниться таковой, что он вместо того будет упражняться в единой молитве и богомыслии. Ибо одно дело Божие другому подрывом служить не должно, и сии дела суть совместны: одно другому не только не противно, но и одно другому помогает…

В феврале в классах в первые часы было темно, сторож приносил для преподавателя особую свечу. Василий берег глаза, не записывал, а запоминал и после лекции переносил в тетрадь главное. Вот и сейчас он не доставал чернильницы и пера, а сидел на отведённом ему месте в последнем ряду и поглядывал, как семинаристы медленно, один за другим тянулись в класс. Удивляло его необычное оживление известных на курсе лентяев и забияк Никиты и Ивана. Они что-то делали возле кафедры, выглядывали за дверь и давились от смеха. Верно, готовят какую-нибудь каверзу. Странно, что не видно их предводителя, злонасмешника Михаила. На

прошлой неделе кто-то из них ухитрился вырезать середину учительской свечи, закрыв провал берестой, и сколько было крика и смеха при испуге отца Иулиана, читавшего церковную историю, когда свеча вдруг погасла!

Василий чуть напрягся. Троица шалунов его частенько задевала, он отвечал ей молчанием. Но вроде бы сегодняшняя каверза его не касалась.

Точно! В класс влетел рыжекудрый задира Михаил, а за ним – самый тихий и робкий семинарист Акакий Малышев, прямо соответствуя своей фамилии, малый ростом и единственный на курсе без малейших признаков усов и бороды, постоянный предмет насмешек и помыканий.

– Миша! Ну Миша! – канючил он тоненьким голоском. – Отдай шапку! Ну, прошу тебя!.. Мне сегодня за дровами ехать!.. Мишенька!..

– Отстань! – со смехом отвечал Михаил и вдруг резко повернулся к Акакию. – Да вон твоя шапка! Гляди!

Он показал на потолок, и все в классе вгляделись – точно: на крюке, для чего-то вбитом в потолок, почти над высоким пустым шкафом без полок, стоявшим возле кафедры, висел растрёпанный малахай.

– О-о-ой… – чуть не заплакал Акакий. – Миша! Отдай мне шапку!

– Полезай и достань, – равнодушно ответил тот, а глаза подозрительно блестели.

– Миша, я не достану. Я боюсь.

– Попроси Никиту, он тебе поможет! – притворно ласково предложил Михаил.

Все в классе замерли, предчувствуя потеху.

– Конечно помогу! – с жаром отозвался высоченный лупоглазый Никита. – И Ванька поможет! Не боись!

Шалуны легко подняли на руки тщедушного Акакия и поднесли к шапке, но только поднесли. Тот потянулся… и не достал. Вновь потянулся…

– Ребята, ещё чуток… – попросил Акакий.

– Да ты на шкаф вставай! – посоветовал стоявший внизу Михаил.

– Точно!.. Вставай, вставай! – загалдели Никита с Иваном.

И Акакий послушно ступил на шкаф… и тут же провалился в него, не увидев отсутствия верхней доски.

Вид маленького семинариста, вставшего за стеклянными дверцами, воздев руки вверх (ибо шкаф был узок), и оторопело разевающего рот, оказался настолько смешон, что все в классе содрогнулись от хохота. И Василий хохотал неудержимо, до слёз, хотя и жалко было Акакия.

В дверь настороженно заглянул отец Иулиан. Настороженность и испуг на лице учителя вызвали новый взрыв смеха. Хохотали со стоном, видя, как учитель внимательно оглядывает класс, смотрит под ноги, ощупывает себя, тужится понять причину смеха и не понимает!.. Когда же он увидел Акакия за стеклом шкафа и гневно приказал тому немедленно выйти, и послушный Акакий попробовал сие сделать через запертые дверцы, класс упал под столы и катался по полу. У Гаврюши Ширяева от смеха икота началась.

Отец Мелхиседек пытался выявить виновников сего происшествия, но их никто не выдал. Ректор наказал весь курс недельным пребыванием в классе по вечерам с чтением всеми по очереди Псалтири. Шалуны лишь посмеивались и неожиданно взяли Акакия под своё покровительство.

На Пасху из дома сообщили радостную и ожидаемую весть: сестра Ольга вышла замуж за Иродиона Стефановича Сергиевскаго, произведённого в диаконы отцовской Троицкой церкви в Ямской слободе. Летом новая радость, уже нежданная.

Владыка Платон, обозревая присоединённую коломенскую епархию, спросил в Коломне двух благочинных, который из них старший, желая назначить протоиерея в Успенский собор. Оба отозвались, что старше их обоих троицкий в Ямской слободе священник Михаил Фёдоров Дроздов. Он и был назначен протоиереем кафедрального собора, а заодно и зятя его перевели туда же диаконом.

10 июня Василий написал отцу: «Я скажу только с чувством сердечной радости: «Поздравляю!» Сплетеньем множества слов не лучше бы я выразил мои мысли, нежели одним». В письмах к отцу он по-прежнему был в высшей степени почтителен, но старший Дроздов ощущал, как стремительно взрослеет сын, как неудержимо отдаляется, утверждаясь в своей новой жизни.

Глава 6
Преодоление

Весна 1803 года долго задерживалась, а потом вдруг разом обрушилась на землю. Каждое утро приносило перемены. Небо день ото дня набирало синевы, солнце светило всё ярче и припекало жарче, сугробы синего мартовского снега приметно оседали в саду и вокруг храмов, а сосульки весь день веселили звонкой капелью; снегири, синицы и воробьи в саду звонко чирикали и свистели свои песни; самый воздух сделался так необыкновенно свеж и вкусен, что, выходя из душной тесноты семинарской кельи, Василий не мог надышаться. С весной накатилась какая-то странная слабость и усталость, но Василий был весь поглощён учёбою. Три года в лавре сильно изменили его.

В греческом языке он быстро достиг требуемого уровня познаний и даже смог в первую семинарскую осень 1800 года написать поздравление митрополиту на этом языке. Было принято, что в день тезоименитства высокопреосвященного Платона от семинаристов ему приносятся поздравления на русском, латинском, греческом, французском языках. Учитель греческого и еврейского языков Стефан Запольский неожиданно предложил Дроздову написать приветственное четверостишие, угадав в нём не только способность к языкам, но и талант поэтический. В назначенный день Василий вслед за другими вышел перед митрополитом и прочитал:

Пой в песнях великих героев, Омир!
Дела же Платона ты петь не дерзай!
Поэты наклонны и правду превысить,
А как превозвысить деянья Отца?

Среднего роста, очень полный, с окладистою белою бородою, владыка был одет в скромную чёрную рясу и скуфейку, лишь овальная панагия, сверкавшая золотом и драгоценными камнями, показывала его архиерейский сан. Он был уже стар, влача седьмой десяток лет, тяжело утопал в кресле, но красивое лицо было бело и румяно, тихий голос мелодичен и твёрд, а взгляд небольших серых глаз то весел, то неожиданно быстр и проницателен.

Василий видел, как после его приветствия ректор архимандрит Августин наклонился к митрополиту и что-то объяснил ему, видимо успехи Дроздова в изучении греческого языка за девять месяцев, и владыка бросил особенно внимательный взгляд на худенького семинариста. Это было более дорого, чем слова официальной благодарности.

С той поры Василий жил с сознанием, что между ним и владыкой Платоном существует какая-то особенная связь. Внешне это ничем не проявлялось. Василий не стремился протиснуться поближе к митрополиту при частых посещениях им семинарии, сам же Платон и не призывал его, как своего любимца Андрея Казанцева, высокого светловолосого семинариста с приятной улыбкою и звучным голосом. Но временами митрополит бросал на Василия взор, который тот мгновенно чувствовал, а сам с радостью и изумлением замечал, что и высокопреосвященнейший оглядывается на его пристальный взгляд.

Василий стал усиленно готовиться к майскому философскому диспуту, рассчитывая показать себя перед владыкою с лучшей стороны. Простуда его отпустила, но привязались головные боли, из носа шла кровь, и по временам темнело в глазах. Хвори беспокоили его, но не слишком. Незаметно для себя он всё более приучался смотреть на своё тело лишь как на необходимую оболочку, сосредоточиваясь на воспитании души.

Жизнь в монастырских стенах конечно же способствовала такому умонастроению, однако не менее тому споспешествовало некое особое положение, занимаемое Дроздовым среди товарищей.

Новичок в философском классе сразу привлёк внимание отличным знанием латыни, но скоро к этому привыкли. Были среди семинаристов более приметные по успехам Матвей Знаменский и Кирилл Руднев, был известный своей силою и громким басом общий любимец Гаврюша Ширяев, которому прочили диаконство в Успенском соборе, а Дроздов был лишён яркости. К этому добавлялось и его равнодушие к нередким гулянкам семинаристов, всегдашняя его серьёзность и поглощённость учёбой. Он не лез в чужие компании, довольствуясь обществом своих коломенских, и его оставляли в стороне.

Иные – особенно компания рыжего Михаила – даже недолюбливали Дроздова за всегдашнюю аккуратность и старательность в учёбе, неразговорчивость и сухость в общении. С ним было трудно. Все правила и порядки, не говоря уже о заповедях Писания, он принимал всерьёз. Немногие решались удержаться на такой высоте.

Сам же Василий, однажды и навсегда осознав умом и сердцем Божественную Истину, уже не мот думать и поступать, будто её не знал. Впрочем, одиночество подчас тяготило. Тянуло поговорить с кем-нибудь, кто мог бы понять его.

Один из первых его троицких знакомцев Андрей Казанцев, четырьмя годами старше Василия, был уже назначен в вифанскую семинарию учителем высшей грамматики и географии, и встречаться им стало затруднительно.

Даже среди земляков, безоговорочно признавших его превосходство (все они повторяли пройденное в классе риторики), он не всегда решался открыться всем сердцем, пожаловаться и попечалиться. Гриши ему не хватало Пономарёва.

Переживал Дроздов свои чувства в одиночку. Письма к отцу и деду лишь в малой степени передавали ход его внутренней жизни. Василий писал о получении известия о скоропостижной смерти императора Павла Петровича и принесении присяги новому государю Александру Павловичу; о новой своей квартире, где сожителями его оказались ученики, выгнанные из семинарии «за шалости» и кормившиеся воровством. У них был заведён такой порядок, чтобы каждый кормил понедельно всё общество из пяти человек. Василий едва месяц вытерпел и ушёл из разгульного дома. Родных он успокаивал, но к майскому диспуту по философии в первый год подготовиться не сумел.

В июне новый инспектор отец Евграф принял его на казённое содержание без взноса денег. С тех пор Василий полностью погрузился в глубины философской премудрости. В основу преподавания была положена лейбнице-вольфианская философия, которой онтологические понятия служили главным основанием для построения рациональной догматической системы и тем приуготовляли семинаристов к постижению богословия. По очереди из кельи в келью переходили учебники Баумейстера и Винклера, сочинения Эйлера и Пуффендорфа. В случае непонимания обращались к старшекурсникам, братьям Крыловым Савве и Стефану, которые никогда не отказывали в объяснениях.

Василий загорелся было философией, но быстро остыл. Не лежала у него душа ко всем премудростям логики, физики и метафизики, за исключением нравственной философии. Он увлёкся чтением трактатов Марка Аврелия и особенно Эпиктета, находя в мыслях древнего философа блестки вечных истин.

«Если хочешь быть добрым, прежде всего считай себя злым», – выписывал он на узком листе бумаги и спешил макнуть гусиное перо в чернильницу. «Владей своими страстями – или они овладеют тобою»; «Гусь не пугает других своим криком, овца – блеяньем; так и тебе не следует бояться криков глухой толпы»; «Чаще думай о Боге, чем дыши»; «Какая тебе будет выгода от добродетельной жизни? – спрашиваешь ты. Да разве не большая выгода; порядок вместо беспорядка, честность вместо бесчестия, воздержание вместо распутства, почитание своей души

вместо презрения её! Опомнись же и спаси свою душу!» Было о чём задуматься Василию долгими осенними и зимними вечерами, когда не шёл сон в тёмной келье среди похрапывания товарищей.

В жизни вдруг случались события диковинные. В апреле 1801 года, вскоре после принесения присяги новому императору Александру Павловичу, в Сергиевом Посаде поднялась страшная буря со снегом. Она скрыла половину Троицкого собора и отчасти больничные кельи. Среди погибших оказалось шесть семинаристов. Страшная зимняя непогода продержалась чуть больше дня и сменилась настоящей весенней распутицей, капелью и солнцепёком.

Отец в своих письмах повторял, что дома ждут его на вакации, но Василий домой не спешил. Ему и хотелось увидеть матушку, отца, сестёр, деда с бабушкою, но возникали затруднения материальные – денег нет на дорогу, и нематериальные – летом он намеревался попользоваться книгами семинарской библиотеки в своё удовольствие. За всем этим стояло нежелание отрываться от мирной лаврской жизни, с которою он крепко сроднился и иной не желал. «Письма по моему разумению сокращают расстояние, которое от Вас меня разделяет, – писал он отцу, – и я не только тогда, когда их получаю, но и когда пишу, по-видимому, к Вам приближаюся». Письма от отца и других родных он сжигал, не желая, чтобы чужой, равнодушный или насмешливый взгляд скользил по дорогой сердцу частице дома.

Лето он провёл в окрестностях лавры, наслаждаясь тихими радостями подмосковной природа. Прогулки, чтение, рыбная ловля на пруду, а ещё подарок от нового родственника, зятя Иродиона, – гусли. Василий на радость себе и товарищам наигрывал мелодии, которым научил его дед.

Вернулись в лавру, ставшую для Дроздова родной. «Быстро время летело, и я дремал под шумом крип его. Прошёл целый месяц, как я в Лавре, но ни одного часа не выбрал я, чтоб употребить на извещение Вас о моём состоянии», – написал он отцу и получил в ответ письмо, наполненное горькими упрёками в неблагодарности, в том, что забыл родителей, так ждавших его домой. «Благодетельствовать тебе значит то же, что петь для глухого», – заключил отец.

Мучительно больно было для Василия сознавать отцовскую правоту и – в то же самое время! – не совпадающую с ней правоту собственную. Ибо ощущал он в следовании неторопливому потоку жизни верное течение Провидения, нёсшего его к неведомой пока цели.

Между тем большая жизнь врывалась к ним сама. Осенью в Москве состоялась коронация Александра I. Из семинаристов видели её немногие участвовавшие в церемонии. Много разговоров породила речь митрополита Платона, произнесённая в Успенском соборе после таинства. Из-под руки передавали, что речь признана едва ли не дерзкой и вызвала недовольство в императорской семье. Об этом Василий не писал в Коломну, зная, что письма на почте просматриваются. Он сообщил отцу о посещении государем лавры 25 сентября, в день памяти преподобного Сергия, описал свою радость от лицезрения «гения России с кротким, но величественным взором, с ангельскою улыбкою, провожаемого собором харит». Не меньшую, а вернее и большую радость доставил ему перевод в богословский класс.

Преподавание богословия начал архимандрит Августин. Метода его оказалась довольно простою. Он ежедневно вручал в классе свою тетрадку, в которой на латинском языке излагалось толкование книг Ветхого Завета, приказывал читать по очереди вслух отмеченные им места и записывать по-русски в свои тетради. Устные пояснения отца Августина нс отличались ни глубиною, ни продолжительностью, ибо он буквально воспринял требование митрополита Платона: «Богословие Христово состоит не в препирательных человеческия мудрости словесах, а потому следует устранять все пустыя и бесполезныя вопросы, которыми обезображены книги римских католиков».

Со святок всё переменилось. Отца Августина перевели ректором московской академии, а во главе семинарии с января 1802 года был поставлен инспектор отец Евграф, принявший также обязанности преподавателя богословия. Вопреки требованию митрополита Платона заниматься по его богословию, он взял за основу учебник Голлазия, статьи из которого прочитывал в классе, переводил и подробно толковал (платоновское богословие казалось отцу Евграфу слишком уж упрошенным). Также в нарушение требований владыки ректор стал больше внимания уделять изучению русского языка, требуя и богословские диспуты проводить по-русски. Времени своего в классе: отец Евграф не жалел, поощряя семинаристов к всевозможным вопросам, отвечать на которые он старался вызывать самих учащихся. И чем дальше, тем больше на трудные вопросы отвечал Василий Дроздов.

После Голлазия перешли к изучению различий православия и протестантства. Читали трактаты на латыни и на греческом, обсуждали, нередко спорили, выискивая всё Новые доводы в пользу православия во взглядах на Святую Троицу, на пути искупления, на значение икон. Отец Евграф открыл для семинаристов важность трудов отцов церкви и всемерно поощряя чтение ими Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Часть обучавшихся этим тяготилась, ибо предпочитала тупо следовать известному от дедов «канону». Быстрее всех и точнее всех его объяснения понимал Дроздов, в коем всё ярче разгоралась любовь к богословской премудрости. С чистым сердцем отец ректор оценил успехи Василия: «Отлично остр» прилежен и успешен». Он же в апреле 1802 года представил отличного семинариста к посвящению в стихарь для представления Слова Божия в трапезной церкви.

Учитель греческого языка оценил успехи Дроздова как «препохвальные, прекрасные»; ввели в семинарии обучение медицинской науке, и вскоре лекарь отмечал, что в ней Дроздов «очень хорошо успевает». В Твери также изучали медицину, и Гриша Пономарёв написал, что в их семинарию на страх всему городу купили человеческий скелет, дабы изучать натуру детально.

Признаться, главною причиною медицинских успехов Василия стала любовь к другу Андрюше. У Саксина оказалась слабая грудь. К обыкновенному его покашливанию все привыкли, но, попав в памятную апрельскую метель, он расхворался всерьёз. Друзья навещали его в лечебнице. Ваня Пылаев переписывал для него лекции, а Василий втирал в худую грудь мази и притирания, рецепты которых он вычитал из лечебника Буханова. Невольно сложилось так, что Дроздов стал распоряжаться всем лечением Саксина, несмотря на уверения доктора, что «тут случай безнадёжный», а там и лечением других больных. Тишина лечебницы пришлась ему по душе, и он туда переселился вовсе, приняв на себя новые обязанности.

«Я не думал, что слова – живу в больнице – подали Вам мысль о болезни, – писал он домой. – Я живу в больнице, но не болен, или, чтобы точнее отвечать на Ваши вопросы – болен инспекторством над больницею; пользуюсь спокойствием уединения и забавами сада. Часто вижу высокопреосвященнейшаго, который иногда для того только выезжает из Вифании, чтобы пройти здешним монастырём и посетить больных».

О настоящей причине своего переселения Василий написать не решился.

За годы обучения курс не слишком переменился, лишь высоченный Никита остался на второй год в философском классе. Маленький Акакий немного подрос и постоянно теребил вьющиеся волосинки на верхней губе и подбородке. Шалости сами собою прекратились, хота характер главного заводилы Михаила не изменился. От него частенько попахивало вином, на переменах он рассказывал о своих похождениях и описывал достоинства посадских вдовиц.

Нечистое всегда тянется к чистому, стремясь оправдаться им, утвердиться на нём. Так и рыжий Михаил нередко заговаривал с Дроздовым, пытался втянуть в кружок своих слушателей. Василию же был неприятен один только насмешливый тон забавника, и он не отвечал, проходил мимо. А вечерами думал: быть может, это в нём гордость – мать всех пороков – гово-

рит? Быть может, надо смириться и попробовать передать смирение самому рыжему? Из-за ничтожного предмета переживал всерьёз, терзался, не решаясь ни с кем посоветоваться, ведь сущий пустяк, какой-то рыжий задира и троечник… Но в глазах Михаила он видел человеческий интерес к себе, и его самого необъяснимо занимал этот яркий характер.

На философском диспуте Дроздову выпало выступать оппонентом Михаила. Василий чётко и с исчерпывающей полнотою показал слабые места в речи и даже вызвал смех, намекнув на ошибки в латинском языке некоторых ораторов.

…Но – nomina sunt odiosa!

Владыка Платон и архимандрит Евграф переглянулись с улыбкой, а Василий поймал на себе яростный взгляд рыжего недруга. Тому, видно, после экзамена растолковали, что точный смысл приведённой Дроздовым пословицы значил не только «не будем называть имён», но буквально – «имена ненавистны».

Вечером того дня, после вечерней молитвы, когда все разошлись по кельям, к Дроздову заглянул маленький Акакий.

– Выйди! – таинственно сказал он.

– Что такое? – удивился Василий.

– Иди, иди! – неопределённо ответил Акакий. – Там… зовут.

Сердце ёкнуло, предчувствуя недоброе, но – а вдруг владыка требует? Посреди ночи?! А вдруг!.. И с бьющимся сердцем поспешно натянул штаны, накинул сюртучок и вышел в тёмный коридор.

Но едва он ступил за порог, как кто-то набросил на голову грязное, вонючее одеяло и несколько крепких кулаков ударили по груди, по спине, по голове… Василий оцепенел и лишь шатался под ударами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.